
SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 98 с. Тираж 60 экз. Свободная цена. Заказ № 00000. Дата выхода в свет 30.06.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Alekseeva T. A.**

Naturalism and political science adaptation to the non-classical world picture..... 112

Smorgunov L. V.

Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics 122

Kazarinova D. B.

Vectors of Evolution of Political Reflection and Politainment..... 134

Solovyov A. V.

On the question of a new conflictological thinking in the framework of the integration science of politics 142

SOCIOLOGY**Kiseleva N. V.**

The issue of evaluating the effectiveness of public administration in modern Russia 152

Mikhailova E. V.

Social concept of gender socialization of girls in the interpretation of Yaroslavl women 162

PHILOLOGY**Lemyaskina N. A.**

The concept of «love» in the language consciousness of a Junior school student 176

Shamanova M. V., Vinogradova M. V.

Peculiarities of the Perception of the Lexemes of the Semantic Group «Internal human organs» by Ordinary and Professional Linguistic Consciousness (based on the material of the lexeme heart)..... 186

Stolyarova A. G.

Value and moral component of the concept «future» in Russian linguoculture..... 196

ПОЛИТОЛОГИЯ**Алексеева Т. А.**

Политическая наука в поисках нового мышления 112

Сморгунов Л. В.Онтологические повороты в современной политической науке:
в поисках адекватности политике..... 122**Казаринова Д.Б.**

Векторы эволюции политической рефлексии и политеймент..... 134

Соловьев А. В.К вопросу о новом конфликтологическом мышлении в рамках
интеграционной науки о политике ..... 142**СОЦИОЛОГИЯ****Киселёва Н. В.**Проблема оценки эффективности государственного управления
в современной России..... 152**Михайлова Е. В.**Социальная концепция гендерной социализации девочек
в интерпретации ярославских женщин..... 162**ФИЛОЛОГИЯ****Лемяскина Н. А.**

Концепт «любовь» в языковом сознании младшего школьника 176

Шаманова М. В., Виноградова М. В.Особенности восприятия лексем семантической группы
«Внутренние органы человека» обыденным и профессиональным
языковым сознанием (на материале лексемы сердце)..... 186**Столярова А. Г.**Ценностно-нравственный компонент концепта «будущее»
в русской лингвокультуре..... 196

Naturalism and political science adaptation to the non-classical world picture

T. A. Alekseeva¹

¹MGIMO-University of the Russian foreign Ministry, 76 Vernadsky Avenue, Moscow 117454, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-112-121

Research Article
Full text in Russian

One of the greatest achievements of the humanity is obviously the recognition of the systematic unity of the natural and social knowledge. However, this recognition was not constant. The forming development and history of political sciences reflected it rather evidently, tending to go from one extreme to another – from identifying its methods with natural, to pretending for its uniqueness, or even universality. All these questions got a special importance in the perspective of the new non-classical world picture, but the adaptation of political sciences to a new type of thinking meets considerable difficulties.

The analysis of the most significant approaches towards the political and international processes demonstrate, that the acceptance of the new postulates of non-classical and post-non-classical pictures of the world is quite complicated. Simultaneously with the preservation of the pure mechanistic, approach some of the elements of the new world pictures were taken from quantum physics, biology, as well as the chance factor and the rejection of the casual relationships. Nevertheless, it is better to speak not about the translation of the methods and approaches from natural sciences to political, but about the attempts to build “weak” theories or analogues (for instance, quantum-like theories). Nevertheless, generally speaking, political as well as other social sciences tend to be developing accepting the zeitgeist.

The adaption of political sciences to the new world pictures is inevitable, but would be limited by definition. Even with the backgrounds of the unity of knowledge as such, its methods and instruments are quite different and even during the process of adaption change so significantly and are so greatly reduced, that they preserve only names and imitation of the other sciences’ methodology. Anyway, we should follow the parallelcourse.

Keywords: Scientific world picture, “classical” world picture, non-classical world picture, post non-classical world picture, quantum physics, political science

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva Tatiana A. | E-mail: www.polittheory@mail.ru
Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Chair of Political theory

For citation: Alekseeva T. A. Naturalism and political science adaptation to the non-classical world picture // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 112–121. (in Russ.)

Политическая наука в поисках нового мышления

Т. А. Алексеева¹

¹МГИМО - университет МИД России, проспект Вернадского, 76, Москва, 117454, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-112-121
УДК 30.328

Научная статья
Полный текст на русском языке

Одним из важнейших достижений человечества стало признание системного единства естественно-научного и социального познания. Признание этого, однако, имело место отнюдь не всегда. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными, то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность. С точки зрения методологии эти вопросы приобрели особенно важное значение на фоне новой неклассической картины мира, однако адаптация политических наук к новому типу мышления сталкивается с изрядными трудностями.

Наряду с сохранением влияния чисто механистического подхода имели место попытки обращения к отдельным элементам новых картин мира, в частности к квантовой физике, биологии, использования фактора случайности, отказа от причинно-следственных моделей. Однако в большинстве случаев можно говорить не столько о трансляции методов и подходов из естественных наук в политические, сколько о попытках выстраивания «слабых» вариантов теорий или некоего подобия (например, квантовоподобных теорий), хотя в целом политические науки, равно как и другие социальные науки, все же стремятся развиваться в духе времени.

Адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но по определению ограничена: при всем единстве знания как такового их методы и инструменты весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименование и имитацию методологии других наук. И все же как минимум придется идти параллельным курсом

Ключевые слова: научная картина мира, «классическая» картина мира, «неклассическая картина мира», «постнеклассическая» картина мира, квантовая физика, политическая наука

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна

E-mail: www.polittheory@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической теории

Для цитирования: Алексеева Т. А. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 112–121.

Одной из остро дискуссионных тем в политологическом сообществе в последнее время стал вопрос о «кризисе», «упадке», догматизированности и даже крайней идеологизированности политической науки. В самом деле, в последние десятилетия, на первый взгляд, не видно каких-то знаковых «прорывов», появления новых «больших» теорий, способных радикально изменить политологический ландшафт. Вспоминая Томаса Куна, мы как бы застряли в стадии «нормальной науки», накапливая аномалии (называя их «проблемами») и делая относительно робкие шаги в сторону других наук, сплошь и рядом ограничиваясь зачастую необоснованной методологической эклектикой. Так ли это? Или «научная революция» все же произошла или даже происходит на наших глазах, а мы просто в силу инерции, лени или ограниченности предпочитаем ее не замечать? Организаторы сегодняшнего семинара заговорили даже о поисках нового политического мышления, предполагая, по-видимому, что традиционное, привычное на наших глазах устаревает и перестает адекватно отражать и анализировать быстро изменяющуюся реальность.

Забегая вперед, хотелось бы сразу сказать, что мой ответ на вопрос о «кризисности» политической науки амбивалентен: и «да», и «нет». Попробуем разобраться, что же все-таки происходит. Начнем с того, в чем же все-таки проявляется «кризисность» нынешнего состояния политологии, как его фиксируют в научной литературе.

Недавно Президент РАПН О. В. Гаман-Голутвина в своей программной статье подчеркивала, что тревожной тенденцией последних лет стала характеристика нынешнего периода эволюции политической науки как кризисного, хотя и не критического [1, с. 20]. В пользу этого утверждения говорит отсутствие на протяжении нескольких десятилетий значимых инновационных идей и эвристически эффективных теорий; широко распространенное искажение методологического инструментария, а также (по В. Патцельту) западный этноцентризм, погруженность в поток настоящего в ущерб историческому контекстуализму, неспособность к критической саморефлексии и непродуктивные отношения с практической политикой.

Все это, к сожалению, так. При этом ряд отечественных и зарубежных авторов дополняет сказанное формулированием некоторых других немаловажных «проблем». Так, Дэвид Лейк, профессор университета Калифорнии, усматривает одну из важнейших аномалий современной политической науки в ее расколах на жестко зафиксированные и догматизированные «-измы», в то время как быстро меняющаяся реальность требует открытого взгляда на происходящее. Он назвал пять основных патологий нашей области знания [2]:

1. Материализация исследовательских традиций – происходит систематическое упрощение выводов для того, чтобы включить их в легко узнаваемые «школы». Иначе говоря, с наилучшими намерениями мы создаем искусственные традиции, которые ошибочно принимаем за состояние дисциплины.

2. Благодаря материализации исследовательских традиций по существу возникает поощрение акцента на крайностях. Это происходит благодаря цитированию одних и тех же канонических источников, что, в конечном счете, ведет вместо формирования общего фундамента для исследований разных направлений к углублению фрагментации дисциплины. Конечно, в определенной степени это организует исследовательский и особенно учебный процесс, однако в сочетании с тремя последующими патологиями скорее препятствует, нежели способствует научной работе.

3. Исследовательские традиции (парадигмы) смешиваются с конкретными теориями, которые сосуществуют друг с другом, будучи объединенными под «зонтиком» какой-то одной парадигмы. Поскольку исследовательские традиции обычно имеют незавершенный характер, то ученые, как правило, используют исследовательский потенциал теорий, сталкивая их между собой как конкурентов, тем самым демонстрируя принцип «я прав, потому что мой оппонент неправ», но не более того.

4. Мы сужаем предмет нашего исследования, сводя его к тем темам, периодам и наблюдениям, которые имеют тенденцию к подтверждению силы нашей парадигмы. Следствием этого становится сужение исследовательского поля – не столько сознательное действие, сколько естественный побочный продукт исследовательского процесса, заставляющий ученого концентрировать внимание именно на тех фактах, которые отвечают его мировоззрению. Благодаря искусственному «зауживанию» парадигмы, она вроде бы вновь и вновь доказывает свою адекватность. Именно в этот момент исследовательские традиции начинают превращаться в теологию (а я бы добавила: во многих случаях в идеологию – ТАА).

5. Ученые, работающие в рамках каждой из исследовательских традиций, обычно утверждают, что именно их подход является по-настоящему научным. Вместо того чтобы признать, что всякая парадигма ограничена по охвату, мы продолжаем претендовать на интеллектуальную гегемонию, полагая, что именно наша парадигма носит универсальный характер.

Можно привести немало и других критических оценок и замечаний в отношении нынешнего состояния познания политического. Некоторые из них более достоверны, другие – скорее придиричивы, но как бы там ни было, они высвечивают исключительно важную проблему: не просто текущего состояния, но весьма распространенного отсутствия даже упоминания сущностного основания политологического знания и его адекватности задачам, которые ставит перед ним подвижная и неуправляемая действительность.

Понять, какими могут быть «ответы» политологов» на многие современные «вызовы», как представляется, возможно, только обратившись к проблемам познания политического как такового, к онтологии и эпистемологии и посмотрев, что же происходит на этом уровне, а стало быть, к проблеме системного единства познания, признания или, наоборот, отрицания общего в развитии естественно-научного и социального знания. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными (что, как правило, не удавалось), то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность.

Хотелось бы быть правильно понятой: я отнюдь не стремлюсь, подобно многочисленным предшественникам, снова попытаться привязать естественно-научные методы и утверждения к политологии. Речь идет о другом. Известный австралийский мыслитель Колин Уайт подчеркивает, что социальные науки (и политология в их числе) по определению паразитируют на социальной философии, а та, в свою очередь, на философии науки [3, р. 23]. Причем глагол «паразитирует» не несет негативной коннотации, а лишь подчеркивает неразрывную связь между философией науки и политологическим знанием на всех уровнях, начиная

с политической философии и кончая методами текущей аналитики (как бы ни пытались от этого откеститься позитивисты всех мастей).

Поэтому речь идет прежде всего о релевантности всякой области знания, в том числе и политического, утвердившейся и признанной в данный исторический момент картине мира. Вопрос о существовании научной картины мира и ее месте в структуре научного знания был поставлен как философами (Л. Виттгенштейн, М. Хайдеггер и др.), так и такими крупнейшими учеными-естественниками, такими как Г. Герц, М. Планк, А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер. Так, немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1986) в статье «Время картины мира» разъяснил, что, рассуждая о картине мира, мы в первую очередь думаем об изображении [4]. Как изображение-картина, она не является буквальной копией с оригинала, а фиксирует черты, которые считаются наиболее существенными, значимыми. Мир понимается как все сущее в целом, включающее космос, природу, историю и другие характеристики. Скажем по-другому: картина мира – это изображение «сущего», а мировоззрение – отношение субъекта к сущему. Поэтому историческая субъектность начинается с того момента, когда впервые возникает рефлексия картины мира со стороны человека.

Напомним, что всякая картина мира упрощает и схематизирует действительность. До какого-то момента картина мира отождествляется с самим миром, с реальностью. Новые открытия приводят к крушению «старой» картины мира и появлению и постепенному утверждению новой, но и она – лишь следующая, одна из ступеней эволюции человеческого познания. Научные картины мира оказывают определяющее влияние на рассмотрение политических проблем и специфику их анализа в тот или иной временной период, формируя основания теоретического осмысления процессов и явлений.

Фундаментальная теория конкретной науки может превратиться в научную картину мира, только если ее исходные понятия и принципы приобретут общенаучный и мировоззренческий характер. Поэтому, как правило, речь идет о целой серии взаимосвязанных открытий в фундаментальных науках. Общую картину мира вырабатывает наука, лидирующая в естествознании (обычно это – физика). Соответственно, во-первых, физика обретает онтологический авторитет: иначе говоря, именно эта наука выступает авторитетом относительно того, что есть в мире, а ее законы предполагаются истинными по отношению ко всем объектам в пространстве и времени; во-вторых, физике приписывается эпистемологический авторитет: физика выступает стандартом получения объективного знания о мире. Научность какого-либо положения любой науки определяется возможностью перевести его на язык физики. Положения, не поддающиеся такой операции, рассматриваются как лишённые научного смысла [5].

Специальные науки формируют собственные картины мира вслед за физикой. И политология в этом отношении не может стать исключением. Открытия почти всегда сопровождаются радикальной перестройкой методов исследования, а также значительными изменениями в самих нормах и идеалах научности. Смена картин мира, по существу, означает преобразование как философских оснований научных взглядов, так и нормативных структур исследований, т. е. это своего рода глобальные революции в мировоззрении человека, означавшие также смену типов рациональности (таблица 1).

Основные характеристики онтологии, эпистемологии и методологии научных картин мира [6]

Ньютоновская, механистическая «классическая» картина мира	Эйнштейновская («неклассическая») картина мира	«Постнеклассическая» картина мира (Илья Пригожин, Герман Хакен и др.)
<ul style="list-style-type: none"> - жесткие причинно-следственные связи; - неизменность пространственно-временных размеров; - всеобщая взаимосвязь всех явлений в мире; - линейный характер изменения объектов; - приоритет необходимости над случайностью; - закономерность происходящего и т. д. 	<ul style="list-style-type: none"> - вероятностный детерминизм; - относительность пространства и времени; - равноправие и взаимодополнительность необходимости и случайности; - неевклидов взгляд на пространство (искривленность пространства; опытный, а не априорный характер определения пространства); и т. д. 	<ul style="list-style-type: none"> - индетерминизм; - приоритет случайности над необходимостью; - относительность пространства и времени; - эволюционность и нелинейность (бифуркации); - условность закономерностей в природе и обществе; - коэволюционность изменений; и т. д.

С точки зрения методологии эти вопросы приобрели особенно важное значение в настоящее время на фоне новой неклассической и, наконец, постнеклассической картин мира, однако адаптация политических наук к новому типу мышления сталкивается с изрядными трудностями. Сохраняется нарабатанная привычка думать и анализировать политические процессы в механистическом ключе. При этом наряду с сохранением влияния чисто механистического подхода имели место попытки обращения к отдельным элементам новых картин мира, в частности к квантовой физике, биологии, использования фактора случайности, отказа от причинно-следственных моделей и т. п.

Например, объект микромира в квантовой физике ведет себя в одних случаях как частица, а в других – как волна. Ученые не смогли однозначно интерпретировать такой дуализм, поэтому просто приняли его как данное, то есть в качестве аксиомы. Если при описании объекта микромира выбрать его свойство частицы в качестве основного, тогда получится модель атома, которую выстроил известный физик Нильс Бор. Если же в качестве основного свойства выбрать волну, тогда атом будет похож на размытое пятно. Как одна, так и другая модель работают, отражая многообразие нашего мира. По аналогии (хотя и довольно грубой) в политической науке мы можем рассматривать некий объект исследования, например, как политический институт (частицу), одновременно принимая во внимание максимальную совокупность его взаимосвязей и отношений, в том числе учитывая влияние и восприятие субъекта.

Природа мира едина, но постоянно демонстрирует разные обличья. Имеется лишь один единственный, не подлежащий сомнению факт, который объединяет и примиряет все отрасли знания, – многообразие и многогранность форм проявления реальности. Многовариантность нашего мира является его первейшим фундаментальным свойством.

Однако в большинстве случаев следует говорить не столько о трансляции методов и подходов из естественных наук в политические, сколько о попытках выстраивания «слабых» вариантов теорий, аналогичных естественно-научным, или некоего подобия (например, квантовоподобных теорий), хотя в целом политические науки, равно как и другие социальные науки, все же стремятся развиваться в духе времени, то есть соответствовать преобладающей картине мира.

На самом деле ничего нового в такой постановке задач, по-видимому, нет. Напомню выступление Президента Американской ассоциации политических наук Вильяма Беннета Мунро (1875–1957), профессора Гарвардского университета и Калифорнийского технологического института, который представил еще в 1927 году президентское обращение к участникам Всеамериканского конгресса политологов под весьма характерным названием – «Физика и политика – пересмотрена старая аналогия» [7].

По-видимому, отнюдь не случайно профессор Мунро начал свое выступление с цитаты Уолтера Бэгехота (1826–1877), британского бизнесмена и журналиста, создателя и владельца знаменитого журнала «Экономист» и ряда других изданий. Не меньшую известность в свое время этот викторианский джентльмен получил как эссеист. В его библиографии важное место заняла книга «Физика и политика», изданная еще в 1872 году, в которой он рассмотрел роль естественных наук, назвав их «физикой», и социальных наук, назвав их «политикой», в становлении человеческой цивилизации и в особенности в обеспечении условий стабильности и социального прогресса. Это была первая заметная попытка применить достижения науки (в особенности дарвинизма) к изучению политики, переосмыслить сложные и зачастую трагические отношения между индивидуальным и коллективным, иначе говоря, определить истинный характер человека политического. По мнению Мунро, работа Бэгехота стимулировала начало осмысления влияния физики на политические идеи человечества, в частности на современные представления в отношении государства и правления. Так, по его мнению, теория эволюции в свое время заставила пересмотреть более старые идеи в отношении происхождения государства и правления, плотнее привязав политическую науку к истории. Как следствие, политологи начали рассматривать публичные институты как часть всего порядка вещей, подобно клеткам в живом организме.

Но физика сделала целый ряд «революционных» шагов в конце XIX – начале XX века. И вновь политологи оказались перед «вызовами» необходимости пересмотреть традиционные подходы политической науки, на основании которых были выстроены теории об отношениях гражданина и государства, обывателя и правительства, агента и структуры, индивида и коллектива.

Естественные науки, – говорил профессор Мунро, – прошли долгий путь со времен Галилея и Ньютона, в то время как многие политологи по-прежнему с удовольствием опираются на абстрактный формализм Локка, Монтескье, Бентама и других политических мыслителей раннего модерна. Они по-прежнему рассуждают об абсолютных правах и обязанностях, старых аксиомах о суверенитете и общей воле, санкциях по законам, значении общественного мнения, массового поведения, равенстве мужчин и женщин, которые подаются как атомы, составляющие людское содружество. Политологи все еще привязаны к обожевлению индивидуального человека, они все еще основывают свои соображения на том, что может быть названо атомарной теорией политики, то есть подхода, когда все граждане об-

ладают равным весом, объемом и ценностью, являются носителями равных абсолютных неотчуждаемых прав, выполняют равно абсолютные обязанности, им присущи атрибуты абсолютного суверенитета. Под влиянием идей, заимствованных из натуральной философии, мы продолжаем предполагать, – продолжал он свои рассуждения, – что политология становится наукой только в том случае, если она опирается на серию высших и зафиксированных равномерностей. Наше мышление все еще пронизано метафизическими принципами человеческой свободы, которым должна соответствовать вся правительственная практика. Тем самым Мунро поставил под вопрос чуть ли не все базовые концепты либерализма, вошедшие к этому времени в политическую науку фактически в качестве аксиом.

Изрядно эпатировав собравшихся ученых-политологов, Мунро продолжил: до тех пор, пока социальный порядок был относительно простым, отсутствовали бесчисленные сложности, привнесённые в него за последние полвека (*то есть начиная с конца XIX столетия – ТАА*), эти старые формулы не выходили за пределы приемлемости со стороны рационального разума, подобно тому, как старые концепты естественных наук вполне удовлетворяли ученых с их лабораторными экспериментами. Сейчас же мы вошли в эпоху, когда огромная лаборатория мировой политики проводит эксперименты любого типа в неизмеримой скорости, а мы пытаемся объяснить нашу электронную динамику в духе механики – то есть практикой, которую ученые-естественники отвергли еще поколение назад.

Поэтому политологии пора начать соответствовать новой физике, обратить внимание на субатомарные возможности, – продолжал Мунро. Иными словами, мы должны отказаться от абсолютов, поскольку ничто не может быть более очевидным, чем предположение, что все гражданские права и обязанности, все формы и методы правления связаны друг с другом, а также со временем, местом и обстоятельствами. Они не могут быть выражены нейтральными формулами. Социальная атмосфера, подобно физической вселенной, наполнена невидимыми единицами энергии, движущимися со всевозможной скоростью и проникающими во власть, оседающими то там, то сям и через какое-то время отлетающими, отталкиваясь от человеческих атомов, дальше. Вес индивида зависит от его способности воспринимать и передавать импульсы, то есть от числа и качества идей, которые он ассимилирует и отпускает. Отсюда – разнообразие отношений граждан к правительству.

Соответственно, вместо формул (*а этим изрядно грешит именно наша, отечественная политология – ТАА*) политическая наука должна стремиться найти концепты, которые выдержат тест на реальное соответствие, и на этой основе она должна начать перестраивать себя через практически интимные наблюдения происходящего в мире политики. Вывод Мунро содержал четкое указание на то, что по аналогии с новой физикой политическая наука также должна перенести часть своего внимания от крупномасштабных наблюдаемых механизмов политики к невидимым и вследствие этого во многом отрицаемым политологами силам, которые на самом деле приводят в действие и контролируют как поведение индивидуальных граждан, так и политику в целом.

Из сказанного Мунро вывел задачи политической науки как самостоятельной научной дисциплины. Наша ближайшая цель, – сделал вывод Мунро, – должна заключаться в том, чтобы освободить политическую науку от старых метафизических и юридических концептов, на которых традиционно она основывалась, все глубже погружаясь в трясину бессмысленной терминологии. Именно к естественным

наукам мы можем с наибольшей выгодой обратиться в этот час транзита за предложениями по реконструкции наших постулатов и методов. Политическая наука должна заимствовать *по аналогии* (*курсив мой – ТАА*) из новой физики стремление избавиться от интеллектуальной неискренности в отношении природы суверенитета, общей воли, естественных прав и свободы индивида, согласия управляемых, правления большинства, самоуправления, правления общественного мнения, государственных прав, *laissez-faire* (*свободного предпринимательства – ТАА*), сдержек и противовесов, равенства людей и наций и т. д. Соответственно, вместо этих формул политическая наука должна стремиться найти концепты, которые выдержат тест на реальное соответствие, и на этой основе она должна начать перестраивать себя.

Услышали ли политологи призывы Мунро столетней давности? Есть ощущение, во всяком случае, судя по многочисленным зарубежным и отечественным учебникам политологии, что пока еще нет. По-прежнему преобладают чеканные формулы и концепты, предполагающие заучивание их наизусть подобно мантрам. Мы так и преподаем: посмотрите хотя бы билеты к экзаменам: Что такое суверенитет? Политическая партия? Парламентская система? и т. д. и т. п. Хотя без базовых понятий не обойтись, у студента не возникает понимания, что эти понятия не более чем «сущностно оспариваемые концепты» (В. Гэлли), а стало быть, зависят от контекста, исторического времени, политической культуры, наконец, допускают множественную интерпретацию. Между тем мировая практика предлагает сегодня целый ряд совершенно новых моделей преподавания политических наук, которые реально учат политическому мышлению (например, т. н. «гарвардская модель», предполагающая рассмотрение конкретных актуальных кейсов и обращение к концептам лишь как к справочному материалу, а не наоборот). Впрочем, это требует очень высокого уровня эрудиции преподавателя, когда каждое занятие превращается в «открытие» и обсуждение самых сложных и спорных, но всегда остро актуальных проблем.

Справедливости ради заметим, что в 1990-е гг. в научный лексикон политических наук, включая и теорию международных отношений, все же вошли некоторые понятия и концепты из теоретической физики, термодинамики и теории самоорганизации биологических систем. Однако большинство из них так и не смогло стать операциональными понятиями в силу различий естественно-научного и социального подхода. Обычно они выступали в качестве метафор – они использовались для «сравнения» процессов и явлений качественно различной природы и сложности. Но сама попытка была небесполезна и отчасти даже продуктивна, позволяя глубже понимать социальные процессы.

И тем не менее основной поток политологии продолжает во многом двигаться по инерции. Вроде бы, ничего страшного – вспомним принцип соответствия Нильса Бора, который говорил, что устаревшие представления и методы не исчезают вообще, а могут быть применены как частный случай. Но не слишком ли велик этот «частный случай»? Не подменяет ли он политическую науку неким своего рода катехизисом? В наших исследованиях по-прежнему преобладает механистическая гносеология. Динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистском ключе. Очевиден перекосяк в пользу количественных методов, нередко становящихся самоцелью. Происходит заметное вытеснение методологии, равно как и онтологически-эпистемологических вопросов

на периферию, а также подмена методологии методикой (т. е. процедурами, техниками, методами, зачастую просто перечисляемыми диссертантами после того, как текст диссертации уже завершен).

Приходится сделать вывод о том, что адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но тем не менее по определению ограничена: при всем единстве знания как такового методы и инструменты социально-политических и естественных наук весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименования и имитацию методологии других наук. И все же как минимум придется следовать сходным курсом. В противном случае мы рискуем не просто безнадежно отстать, но и превратиться в идеологический реликт, более уже не соответствующий ни задачам, ни мышлению сегодняшнего дня.

Таков круг вопросов, которые я предложила бы к обсуждению на нашем первом заседании семинара.

Ссылки / References

1. Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании в эпоху неопределенности // ПОЛИС. 2019. № 5. С. 19–42.
2. Lake D. A. Why «isms» Are Evil: Theory, Epistemology, and Academic Sects as Impediments to Understanding and Progress // *International Studies Quarterly*. 2011. № 55. P. 469–471.
3. Wight C. *Philosophy of Social Science and International Relations* // *Handbook of International Relations*. Ed. By Walter Carlsnaes, Thomas Risse-Kappen, Thomas Risse, and Beth A Simmons. London: SAGE, 2002. 571 p.
4. Хайдеггер М. *Время картины мира* // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика. 1993. С. 41–63.
5. Юлина Н. С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // *Философия науки*. Вып. 12: Феномен сознания. М.: Институт философии РАН, 2006. С. 9–42.
6. Алексеева Т. А. *Теория международных отношений как политическая философия и наука*. М.: Аспект-пресс, 2020. 608 с.
7. Munro W. B. *Physics and Politics – an Old Analogy Revised* // *The American Political Science Review*. February 1928. Vol. XXII. № 1. URL: <https://www.cambridge.org/core/content/view> (дата обращения: 24.02.2020).

Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics

L. V. Smorgunov¹

¹St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133

Research Article
Full text in Russian

The article reveals the content of the main trends in the development of contemporary political science in connection with crisis phenomena affecting its thematic, methodological and theoretical problems, as well as its connection with real political practice. The logic of the search for new political thinking consists in a sequential transition from solving the problems of the crisis in the field of interdisciplinary methodological synthesis to considering the unity of political methodology and ontology, and then to ontologizing political studies expressed in two ontological turns. Interdisciplinary synthesis involves overcoming the boundaries between qualitative and quantitative research, as well as the natural and social sciences. The unity of political methodology and ontology was based on the recognition of the primacy of substantive political research. The first ontological turn concerned criticism of the post-political review of politics and attempts to substantiate political theory and philosophy as a fact of politics. In the thematic plan, attention was paid to disclosing the content of the political and substantiating the relationship between philosophy and politics. The second ontological turn led to the politicization of ontology and the ontologization of politics by criticizing metaphysics, rationalism, and human subjectivity. This turn is expressed in the new political realism, which includes actor-network theory and object-oriented ontology.

Keywords: political science, crisis, interdisciplinary synthesis, unity of methodology and ontology, ontological turn, the political, political reality, politicization of ontology, ontologization of politics

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smorgunov Leonid V.		E-mail: l.smorgunov@spbu.ru
		Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, head of the Department of Political Governance

Funding: Russian Science Foundation, grant 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: Study of institutional bases for digital forms of governability”.

For citation: Smorgunov L. V. Ontological turns in contemporary political science: in search for compliance with politics // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 2. P. 122–133. (in Russ.)

Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике

Л. В. Сморгунов¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., Санкт-Петербург, 7/9, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133
УДК 303.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье раскрывается содержание основных тенденций в развитии современной политической науки в связи с кризисными явлениями, затрагивающими ее тематические, методологические и теоретические проблемы, а также ее связи с реальной политической практикой. Логика поиска нового политического мышления состоит в последовательном переходе от решения проблем кризиса в области междисциплинарного методологического синтеза к рассмотрению единства политической методологии и онтологии, а затем к онтологизации политических исследований, выраженных в двух онтологических поворотах. Междисциплинарный синтез связан с преодолением границ, разделяющих качественные и количественные исследования, а также естественные и общественные науки. Единство политической методологии и онтологии опиралось на признание первенства исследования политической субстанции. Первый онтологический поворот касался критики постполитического рассмотрения политики и попытки обоснования политической теории и философии как факта политики. В тематическом плане здесь внимание уделялось раскрытию содержания политического (the political) и обоснованию соотношения философии и политики. Второй онтологический поворот привел к политизации онтологии и онтологизации политики путем критики метафизики, рационализма и человеческой субъектности. Данный поворот выражается в новом политическом реализме, включающем в себя акторно-сетевую теорию и объектно-ориентированную онтологию.

Ключевые слова: политическая наука, кризис, междисциплинарный синтез, единство методологии и онтологии, онтологический поворот, политическое, политическая реальность, политизация онтологии, онтологизация политики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сморгунов Леонид Владимирович		Е-mail: l.smorgunov@spbu.ru
		Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления

Финансирование: РНФ, грант 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Для цитирования: Сморгунов Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 122–133.

Введение

Тема поиска нового мышления в политическом знании имеет много векторов рассмотрения. Древнегреческое понимание этого вопроса связано с поиском различий между политическим мышлением политика и философа (ученого) (Сократ, Платон, Аристотель, Ксенофонт). Деятнадцатый век в связи с дифференциацией наук сформулировал конфликт между номотетическим и идеографическим знанием (зафиксированным в истории общественной науки в виде длящегося конфликта двух традиций – дюркгеймовской и веберовской). Двадцатый век обострил тему соотношения интеллектуального (способность знать) и философского (способность думать) мышления в политике (Л. Штраус, А. Кожев, Х. Арндт). Постмодернизм поставил под сомнение тотальное и универсальное знание (деконструкция, плюрализм, различие/спор (*le differance*), поверхность), а постструктурализм связал это знание с властью и сформулировал потребность освобождения знания от властных интенций. Политическая наука/философия ответила постмодернизму широким движением неоинституционализма, обеспечившего институциональный порядок в политике на основе прежде всего рационального выбора. Однако неоинституционализм и рациональный выбор столкнулись с новыми реалиями цифрового общества, когда устойчивый порядок политики и политического знания стал подвергаться эрозии неопределенности, хаоса, постправды и опасности иррационализма. Движения в области наук о науке и технологии обострили вопрос о действенности технических средств в пространствах взаимодействия человека и природы. Технологии, особенно цифрового характера, стали рассматриваться не просто как инструменты, посредствующие человеческое влияние на природу. Цифровая политика в отличие от политики цифровизации приобрела характер фактора, трансформирующего социум и природу.

Эти процессы заставили пересматривать условия и механизмы взаимодействия человеческих и нечеловеческих актантов преобразований. В политической науке стали проявляться тенденции, которые отражали усложнение политической реальности в эпоху четвертой промышленной революции. Хотя в мировом и российском пространстве политической науки многое было сделано и делается для решения возникших проблем, однако следует согласиться с тем, что «в настоящее время ощущается исчерпанность инерционного движения, но выйти за его пределы пока не удается» [1, с. 37].

В данной статье обращается внимание на некоторые тенденции последнего времени в политической науке, которые свидетельствуют об интенсивных поисках новых подходов и решений относительно знания и реальной политики. Здесь будет обращено внимание на попытку *междисциплинарного синтеза*, поиск *единства методологического и онтологического подходов*, а также на *два онтологических поворота* в политическом познании.

Попытка междисциплинарного синтеза

На стыке последних столетий в политической науке и в политическом познании вообще, если включать в него политическую философию и смежные дисциплины, явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественнонаучных и социолого-политологических методов. Последние версии сциентистского

анализа (теория хаоса, синергетика, квантовая механика, фрактальная теория) представляют собой самостоятельные подходы при изучении сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, нелинейные причинные зависимости, квантовые неопределенности, сложные фрактальные размерности и т. д. Сложность, как считается, является результатом самой реальности, т. е. принадлежит к объекту исследования.

Изучение сложных систем в традициях сциентизма, начавшееся в физике, биологии и компьютерных науках, начинает проникать и в область общественных наук. Особое место эта проблема занимает в политической науке [2; 3] и в изучении публичной политики [4; 5]. В этом отношении предсказуемым было то применение теории сложности в социальных науках, включая исследование политики, которое фокусировалось на нелинейности, нестабильности и неопределенности: «Политическая сфера является определенно нелинейной, где нестабильность и непредсказуемость являются внутренними и где причина и следствие часто загадочно смешиваются. Очевидный факт, что политические системы являются историческими и временными системами, также повышает потенциальную ценность в применении теории сложности в социальных науках» [6, p. 132].

Однако исследование сложности в политике не означает выбор только синергетической парадигмы. Значительное влияние на изучение сложности оказывает так называемый культурный уклон в социальных науках, который предполагает рассматривать сложность, исходя из феноменологического характера нашего восприятия действительности, т. е. ориентироваться не на объективность, а на беспристрастность исследователя. Феномен сложного мышления является составной частью феномена сложного мира. Его основной императив состоит в способности нашего мышления сопоставлять друг с другом различные стратегии человеческого мышления и действия и находить адекватные решения, соотносимые с ситуацией и контекстом. В этом отношении сложное мышление веротерпимо и плюралистично, т. е. допускает и однолинейные стратегии, которые должны встроиться в сложную картину формирующейся реальности, не нарушая, а дополняя синергетический эффект. Сложность и неустойчивый характер современного общественного мира порождают феномены, которые трудно объяснить в рамках прежних теоретических парадигм. Вот почему нарастает движение за новый взгляд на общество и новую теоретическую парадигму. В методологическом отношении пробивают дорогу синтетические подходы, такие как квантовая политика, теория сложных сетей, фрактальная теория [7]. В теоретическом отношении одной из новых парадигм описания сложности выступает концепция лиминальности. Если теория сложных систем, сложных сетей, фрактальная геометрия относится к сциентистской парадигме сложности, то теория лиминальности, проистекающая из антропологии и постколониальных исследований, а также формирующееся событийное знание относятся к философско-культурологическому направлению.

Единство методологического и онтологического подходов

Все предыдущие подходы в политической науке опирались на первенство методологии в получении объективного, обоснованного, детерминистского знания о политической реальности. В начале XXI в. вектор анализа смещается в сторону единства онтологического и методологического подходов. В этом отношении повы-

шается значение качественных методов исследования, а также стремление к объединению качественных и количественных подходов. Отличие этой дискуссии от предыдущих данное поколение разработчиков новых подходов (Махони, Беннет, Эльман, Мунк) связывает с инновационной постановкой ряда вопросов и утверждением значимости качественных методов. Важным в современной дискуссии о качественной методологии является вопрос не только о том, как исследовать, но и о том, какова природа исследуемой реальности. Приоритет субстанциальных ориентаций над количественными соотношениями приводит к возрождению интереса к политической онтологии, что вызывает так называемый «онтологический поворот» в политическом знании. На первый план изучения политической реальности выходит единство онтологии и методологии, а значит, погружение науки в реальность, превращение знания о политике в факт политической действительности.

Если применительно к 1990-м гг. Герардо Мунк отмечал тенденцию к качественной методологии в политическом исследовании как одиночные попытки найти синтетическую основу для различных подходов [8], то уже в 2007 г. он вместе с Ричардом Снайдером писал относительно доминирующей отрасли в политической науке – сравнительной политологии, что «относительно объекта, предмета и методов сравнительная политология является отраслью, которая (а) адресуется к общественно значимым вопросам политического порядка, политических режимов, социальных сил, демократических и государственных институтов, экономических процессов и наднациональных тенденций во всех регионах мира; (б) больше ориентирована на эмпирический анализ, чем на общую теорию; (в) нацелена на получение описательного и причинного знания с относительно равным балансом между ними; (г) не предназначена для прямого применения знания в публичной политике; (д) генерирует теорию в основном через индукцию; (е) полагается в основном на качественные методы эмпирического исследования» [9, р. 25]. Эту же тенденцию отмечает и Джеймс Махони: «Тогда как ранее качественная методология рассматривалась в качестве дополнительного набора «остаточных» техник, которые должны были использоваться, только если другие методы (т. е. статистические методы) были неподходящими, то сегодня подчеркивается явное преимущество качественного исследования. Этот новый акцент соответствует исследовательской практике. Компаративисты часто склоняются к качественным методам вместо или в комбинации с альтернативными техниками, так как они полагают, что качественные методы значимы для ответа на многие существенные вопросы отрасли» [10, р. 122]. Качественные методы обычно применяются при исследовании ограниченного количества стран или даже одной страны. Однако «случай» необязательно является страной, но и отдельное явление или событие может рассматриваться в качестве такового. Ряд исследователей подчеркивает, что в центре качественной методологии анализа лежит отдельный случай, что, естественно, противопоставляется серийному статистическому исследованию.

Данная дискуссия о качественных методах характерна для третьего поколения их разработчиков [11, р. 113–114]. Отличие этой дискуссии от предыдущих авторы связывают с инновационной постановкой ряда вопросов и утверждением значимости качественных методов: (1) разработка новых подходов: контрфактуальный анализ, отбор противоположных случаев, метод повторного отбора усовершенствованных понятий; (2) выявление соотношений со статистическими и формальными методами и разработка мультиметодологического подхода; (3) профессионализация в области использования качественных методов; (4) институциональное развитие сообщества исследователей, ориентирующихся на качественные методы.

Обоснование значимости качественной методологии исследования отдельного случая вновь стало связываться с проблемой соотношения онтологии и методологии. Обоснование единства методологии и онтологии наблюдается, когда качественные методы, а с ними и исследование случаев становятся магистральным направлением в политической науке. Хотя существует дискуссия о неправомерности сопоставления различных онтологий и методологий, тем не менее выход на первый план исследования отдельного случая актуализирует другое понимание политической реальности, чем то, которое было явно положено в основание количественных и формальных методов политического исследования в начале движения за новую политологию, а потом эксплицитно признавалось всеми учеными, практикующими эти методы.

Сразу отметим, что изменение онтологической составляющей политической науки под влиянием кризиса сциентизма и поиска новых оснований политического исследования является процессом неоднозначным и не совсем явно выраженным. Можно отметить лишь тенденцию к этому, чем обоснованный и уже работающий парадигмальный сдвиг. Дискуссия часто идет в плоскости обоснования исследования отдельного случая с применением качественных методов как важного средства получения теоретических обобщений, которые бы не отличались по точности и обоснованности от традиционной политической науки. Многие полагают, что противопоставление количественных и качественных методов является надуманным; идет поиск интегративных методологических отношений. Рассматривается вопрос о характере и широте пространства теоретических обобщений, полученных с помощью качественных методов. Во многих случаях подобные методологические споры все же порождают потребность уйти от методологии в онтологию, так как нельзя не учитывать инновационный характер ведущихся дискуссий, определяемых в самой своей основе проблемой соотношения политической науки и политической реальности. Дэвид Коллиер выразил эту мысль, подчеркивая взаимосвязь методологических и субстантивных проблем для политического исследования: «Методологическая работа, отъединенная от субстантивных проблем, может утратить новизну. Методологи должны стоять ближе к сферам, где они надеются получить интересные вопросы. Соединение методологических и субстантивных проблем также мотивирует других исследователей обратить внимание на методологию» [12, р. 585]. На наш взгляд, требование соединения методологии с онтологией не случайно вывело исследователей политики на значимость качественных методов и изучение отдельных случаев. В самой методологии просвечивается явная трансформация взглядов на политическую онтологию.

Первый онтологический поворот: политика как множественное и конфликтное событие

Онтологические перспективы «поворота» были вначале вдохновлены онтологией радикальной случайности политического события Бадью, «риторической» онтологией социального антагонизма Лакло, онтологией био-власти Хардта и Негри, онтологией голой жизни Агамбена, антиметафизической онтологией реального Лакана, онтологией различий Делеза или хонтологическим подходом к политическому Деррида. Онтологический поворот, во-первых, символизировал «постфундаменталистскую» ориентацию в политической философии и теории, которая была направлена против метафизических обоснований политики и брала за основу размышления

о политике ее «природу» как случайного, открытого, изменяющегося, проявляющегося, множественного и спорного события. В этом отношении на первый план вышла проблема политического (the political) [13], которая при всех разнообразных ее трактовках вновь настраивала философские размышления на раскрытие тела политики в ее реальном облачении и свойствах, а не в философско-реконструируемых спекуляциях.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. была опубликована серия работ континентальных европейских философов под общим названием «Размышления о политическом». Представляя эту серию, научные редакторы указывали, что ее «цель состоит не в том, чтобы растворить специфику «философского» в «политическом» и не уклониться от вызова, который «политическое» ставит перед «философским»; скорее, каждый том серии попытается показать, что только в отношениях между ними могут быть задействованы новые возможности мысли и политики» [14], (counter-title). Важным аспектом также выступала критика захвата политической теории и философии рациональными экономическими и моральными суждениями, которые скрывали суть политики и политической мысли. Например, Уильям Кимлика в своей книге «Современная политическая философия. Введение» прямо писал о том, что хотя политическая философия отличается от моральной, однако существует фундаментальная связь между ними [15, p. 5]. Именно эту фундаментальную связь и пытались разрушить философы онтологического поворота. Концепции разнообразия, различия, спора, конфликта, полемики и конфронтации противостояли либеральному пониманию согласия, договора, взаимности. Именно с критикой либерализма была связана эта новая онтологическая перспектива в политическом мышлении. Шантал Муфф называла господствующую тенденцию в описании политики пост-политической и подчеркивала, что «в противоположность тому, во что пост-политические теоретики хотят нас уверить, мы являемся свидетелями не исчезновения политического в его состязательном измерении, а наоборот. Происходящее политическое сегодня разыгрывается вне морального регистра. Другими словами, оно все еще осуществляется в противостоянии мы/они, но вместо того, чтобы мы/они определялись в политических категориях, это получает моральную терминологию. Вместо борьбы между 'левыми и правыми' мы сталкиваемся с борьбой между 'правильным и ошибочным'» [16, p. 5].

Вторая тема, которая возникала в этих онтологиях, касалась возможности перевода фундаментальной онтологии в сферу политики. Возможна ли связь между философской критикой и политической практикой? Ликвидирует ли политическая онтология разрыв между мыслью и практикой, философией и политикой? В этой связи возникает широкое движение за онтологический тип мышления в политике, которое бы выполняло задачи скорее ориентационно-политические, чем просто созерцательно-объяснительные или процедурно-институциональные. Конечно, прямой вывод политики из политической онтологии был проблематичен, однако данный тип мышления предполагал подозрение как к предварительному наблюдению и схематическому теоретизированию на основе избранного методологического подхода, так и к долженствованию, проистекающему из метафизического нормативизма. Более того, сама философия становится подверженной политике, когда мысль и мышление выступают в форме политического проекта и политического предприятия. Как писал Ален Бадью, «я научился философски исследовать политику, лишь обустраивая философию политикой. Тем самым речь идет о том, что я здесь называю метаполитикой, т. е. о том, что в философии несет на себе след некоего политического условия, не являющегося ни объектом, ни тем, о чем следовало бы мыслить, но как

раз современностью, вызывающей некоторые философские воздействия» [17, с. 143]. В этом отношении такая политическая философия, вдохновленная политикой, становится действующим фактором политической реальности.

Второй онтологический поворот: новый политический реализм

Более радикальной выступила вторая волна онтологизации политического мышления, которая ушла от рассмотрения проблематичности связи теории и реальной политики, а прямо декларировала новую политику, определяемую философией нового реализма. Новая политика определялась тем, что в производство реальности как преимущественной цели политики включались все факторы человеческой и нечеловеческой природы, включая науку, технологию, человека и вещи. В этом отношении Бруно Латур в работе «Политика природы. Как привить наукам демократию» писал, что «мы никогда не поймем значение слов *ойкос*, *логос*, *фюзис* и *полис*, если не будем рассматривать все четыре концепта одновременно» [18, с. 9]. Эта новая волна представлена акторно-сетевой теорией Латура, объектно-ориентированной онтологией Хармана и Мортонса, плоской онтологией Деланда, спекулятивным реализмом Мейясу и витальным материализмом Беннетт.

На чем строится единство онтологического поворота? Можно выделить следующие общие идеи, перечень которых можно, конечно же, расширить:

- опасность антропоцена (отказ от центрированности на субъекте-человеке);
- против метафизики и трансцендентализма (реализм, но «странный»: любая вещь больше, чем ее проявления);
- ограниченность здравого смысла (спекулятивность, чистая сила ума, способность мыслить);
- против иерархий и властных распределений в познании вещей (плоская онтология);
- несогласие с эпистемологией (истина) и эссенциализмом (сущность и идеи), провозглашение значимости онтологий вещей/объектов (конкретность бытия объектов и его проявлений);
- против пассивности, неизменности природных объектов (пульсирующая материя, расширение понятия жизни).

Общим смыслом этого радикального поворота в политическом мышлении выступает ряд общих установок, закладывающих новые направления познания политической реальности.

Новая онтология предлагает объединить понимание реальности, отказавшись от дихотомий природа/общество, человек/животное, свобода/необходимость, индивидуальное/общее, микро/макро и т. д. Выступая против редукционизма, с одной стороны, и тотальности, с другой, *этот подход ориентируется на эмерджентность и открытость целого, а также опирается на понимание «нередуцируемой социальной сложности, характерной для современного мира»* [19, с. 11]; курсив мой – Л. С.). Эмерджентность здесь обозначает принцип понимания возникающего целого, несводимого к составляющим его частям; открытость целого говорит о том, что участвующие в его формировании элементы не пропадают, а занимают свое место в новом множестве; нередуцируемая социальная сложность свидетельствует о несводимости множественной целостности к каким-либо ее элементарным частицам. В этом смысле новый онтологический реализм выступает против прежнего онто-теологического способа мышления, метафизически нацеленного на сведение существующего к его предельной основе. Понять реальность как плюриверс, а не универс, когда различие

онтологий приводит к их конфликту, является важным теоретическим следствием объектно-ориентированной онтологии.

В новом проекте возникает двойственная (и взаимосвязанная) *задача политизировать онтологию и онтологизировать политику*. Включить в онтологию существующие объекты (вещи) вне корреляции с человеком, не в качестве подручных, а в качестве действующих и производящих реальность означает придать их онтологии политическое значение и роль, а также расширить онтологическое содержание политики, уйдя от ее ограничения «волюнтаризмом свободно конституирующего человеческого субъекта». Критикуя за последнее ограничение политики у Рэя Брассье, Грэм Харман писал: «Но политика – это не только человеческие субъекты, это и бесчисленные неодушевленные объекты, действующие как стабилизаторы человеческого общества» [20, с. 155]. Следовательно, политизировать онтологию означает определить, какие объекты приобретают власть и влияние в процессе взаимодействия формирующейся реальности, какие объекты проявляют политический эффект в ее конструировании. Более того, взаимодействие различных онтологических объектов порождает конфликт онтологий, а соответственно, ведет к необходимости разрешать конфликтные отношения в политике. Политизировать онтологию означает, таким образом, включить ее в процессы оспаривания и производства решения. Онтологизировать политику – это признать, что политика имеет свою онтологию, несводимую к морали, экономике, рационализму, эстетике, воле, что все объекты в политике раскрывают свою политическую субстанцию, что необходимо научить жить людей во взаимодействии с объектами.

Новый реализм объектов, критически относясь к гносеологии и эпистемологии, разрабатывает такой тип онтологического анализа, который мог бы лучше учитывать особенности политической реальности. Полагая, что господство эпистемологии в философии обрекает ее на полностью антропоцентрическую референцию [21, с. 19], его представители предпринимают усилия *для преодоления этого отнесения к человеку в процессе познания и создания способов описания объектной онтологической картины реальности*. Эту сложную задачу они пытаются решать, используя скорее язык технологий, а не сущностей. Понятия ассамбляжи, сборки, стыковки, переводы, картографии, маркировки и др. используются для описания объектов и их взаимных связей. В политической науке такая технологическая терминология используется для анализа особых объектов и состояний. Так, с помощью акторно-сетевой теории исследуется движение французских фермеров на основе критики онтологических предположений нынешних законов о семенах [22]; изучаются возможности политики онтологии для разрушения колониальной системы, культивирования плюриверса и создания науки о деколонизации [23]; утверждается, что политические экологические конфликты в различной степени связаны не с использованием природных ресурсов, а с конфликтами из-за онтологий между ныне живущими коренными жителями и современным капиталом, государством и наукой [24, р. 551]; объектно-ориентированный подход используется в географическом изучении власти и политики, когда объекты рассматриваются в качестве феноменологических вирусов, охраняющих мир [25]. В большей мере новый реализм используется скорее как стратегия, чем выверенная методическая ориентация. Вместе с тем данная ориентация порождает некоторые проблемы. Микко Йоронен и Йоки Хэкли, например, указывают на две из них, которые возникают при изучении политики, когда нет разделения на человеческий субъект и нечеловеческие объекты и когда все имеет политический потенциал. Первая проблема имеет дело с идеей ответственности (она

становится относительной), вторая проблема связана с представлением о политическом вообще (оно исчезает, когда все политизируется) [26, р. 569–570].

Политическая реальность с позиции новой онтологической политики разворачивается перед нашими глазами и требует деятельного участия сейчас, без упования на прошлые события и без особого расчета на будущее. Объекты, вещи, люди, силы, идеи проявляют свою потенциальную политическую субстанцию в актуальной борьбе и конфликте сетевых взаимоотношений. *Поэтому принципом выступает акцент на актуальности существующего, а не на потенциальности возможного.* Анализируя стрелы времени модерна, Бруно Латур показывает отношение новых онтологов к истории, современности и проектам будущего. Политическая экология, – пишет он, – «должна изменить механизм, который генерирует различие между прошлым и будущим, остановить маятник, который задает ритм темпоральности людей модерна» [27, с. 209]. Этот позитивизм и прагматику настоящего Латур особо подчеркивает в своем уточнении вопроса о том, что такое политика и политическое. Политика, по его мнению, которое он обосновывает, обращаясь к Дьюи, Липпману, Рорти и Патнэм, всегда связана с постановкой и решением насущных проблем, волнующих публику, вопросов, вызывающих озабоченность, ситуаций, требующих решения. В этом отношении политика есть обращение к сегодняшним делам и заботам, тем более что по ним нет согласия. При прохождении различных стадий политического (появление проблемы, ее превращение в публичную, принятие этой проблемы суверенными властями в качестве общественного блага и предмета воли, подключение публики к ее решению, переход проблем в обычную стадию управленческой рутины), «таким образом, прогрессивная композиция общего мира будет определяться двумя основными элементами: какие вещи должны интересовать политику и как она должна поворачиваться вокруг этих вещей» [Там же. Р. 819].

Необходимо принять принципиальный индетерминизм онтологической реальности, контингентность происходящего, неопределенность и открытость его к трансформациям. Не все представители этого направления критически относятся к причинности. Если она и признается, то не в вещах/объектах, а в их проявлениях/связях. Некоторые считают, что нужно отказаться от линейной причинности и рассматривать ее в качестве продуктивного фактора, когда одно событие порождает другое событие, а не обуславливает его [19, с. 20]. На место причинной зависимости иногда ставятся корреляционные связи (Латур)¹. Но в основном новый онтологический взгляд на реальность предпочитает контингентность, т. е. принцип, в соответствии с которым «может произойти все, что угодно – даже то, что ничего не произойдет, и все останется как есть» [28, с. 89]. Квентин Мейясу является наиболее последовательным защитником и разработчиком контингентности на основе критики корреляционизма (корреляция бытия и мышления), принципов достаточного основания (все существующее имеет свою причину) и конца рациональной метафизики (деабсолютизация, приведшая к фидеизму). Знание существующей хаотической реальности, следовательно, возможно с использованием принципов неоснования и непротиворечивости: «под этим понимается, что непротиворечие не означает какую-нибудь фиксированную эссенциальность,

¹ В качестве примера приведем исследование Д. Чандлера, который описывает современное цифровое управление как управление следствиями, а не причинными связями, фокусируясь на работах Ульриха Бека и Бруно Латура по установлению проблемы обусловленного обстоятельствами взаимодействия, а не причинной глубины, как ключа к возникающим последствиям, которые могут быть неожиданными и катастрофическими [29, р. 23–24].

а имеет в качестве онтологического смысла необходимость контингентности, иначе говоря, необходимость всемогущего Хаоса» [Там же. С. 102].

Критика этой волны онтологического мышления обращает внимание на чрезмерную политизацию онтологии и постгуманизм как идею рассматривать политику бессубъектно, выявляются недостатки спекулятивного подхода к рассмотрению политики, который некоторыми исследователями рассматривается в качестве современной формы софистики. Вместе с тем идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации, искусственного интеллекта, экологии, постколониализма, публичного управления. В противопоставлении постгуманизму формируется трансгуманизм как политика принятия объектов в человеческий мир.

В определенном отношении все вышеперечисленные тенденции и повороты в политическом познании идут параллельно. Начало нынешнего столетия зафиксировало открытость политической науки к поиску новых подходов и интерпретаций политики. Онтологический и методологический кризис политической науки наложился на кризис демократии, политической репрезентации, рационального выбора. Постправда и популизм внесли свои дополнительные краски в неопределенность описания политической реальности, а использование сетевых медиа выявило возможность усиления контроля за политическими суждениями, их догматизацию и направленную мобилизацию. Новые краски в кризис добавили цифровые технологии, которые поставили под сомнение традиционные формы политики и публичного управления и обострили процесс политического познания. Вопрос о том, в каком направлении будет развиваться поиск обновленной политической науки, как и политики в целом, остается открытым. Ясно, что многообразие подходов и установок необходимо взять в расчет, без чего решение проблемы вряд ли возможно.

Ссылки / References

1. Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Политические исследования. Полис. 2019. № 5. С. 19–42.
2. Jervis R. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 328 p.
3. *Political Complexity: Nonlinear Models of Politics* / Ed. by D. Richards. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. 349 p.
4. *Complexity and Policy Analysis: Tools and Methods for Designing Robust Policies in a Complex World* / Ed. by L. Dennard, K. Richardson, G. Morcol. Marblehead, MA: ISCE Publishing, 2008. 428 p.
5. Geyer R. *Complexity and Public Policy: A New Approach to 21st Century Politics, Policy and Society*. L., N.Y.: Routledge, 2010. 224 p.
6. Elliot E. *Complexity, Politics, and Public Policy* // Knowledge Management, Organizational Intelligence and Learning and Complexity / Ed. by L. D. Kiel. Oxford: EOLSS Publishers, 2003. P. 3–42.
7. Сморгун Л. В. Сложность в политике: некоторые методологические направления исследований // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 6. 2012. Вып. 4. С. 90–101.
8. Munck G. *The Past and Present of Comparative Politics* // Munck G., Snyder R. (eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 32–62.

9. Munck G., Snyder R. Debating the Direction of Comparative Politics // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 1. P. 5–31.
10. Mahoney J. Qualitative Methodology and Comparative Politics // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 2. P. 122–144.
11. Bennett A., Elman C. Qualitative Methods. The View From the Subfields // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 2. P. 111–121.
12. Collier D. Critical Junctures, Concepts, and Methods // *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics* / Ed. by G. Munck, R. Snyder. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 556–600.
13. Rosenthal I. Ontology and political theory: A critical encounter between Rawls and Foucault // *European Journal of Political Theory*. 2019. Vol. 18. № 2. P. 238–258.
14. Williams J. *Lyotard & the Political*. L., N.Y.: Routledge, 2000. 153 p.
15. Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy. An Introduction*. 2nd ed. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002. 497 p.
16. Mouffe Ch. *On the Political (Thinking in Action)*. L., N.Y.: Routledge, 2005. 144 p.
17. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / Пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Логос, 2005. 240 с.
18. Латур Б. *Политика природы. Как привить наукам демократию*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
19. Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пер. с англ. К. С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
20. Харман Г. *Спекулятивный реализм: введение*. М.: РИПОЛ классик, 2019. 496 с.
21. Брайант Л. *Демократия объектов* / Пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
22. Demeulenaere E. A Political Ontology of Seeds: The transformative Frictions of a farmers' movement in Europe // *Focaal - Journal of Global and Historical Anthropology*. 2014. № 69. P. 45–61.
23. Blaney D. L., Tickner A. B. Worlding, Ontological Politics and the Possibility of a Decolonial IR // *Millennium: Journal of International Studies*. 2017. Vol. 45. № 3. P. 293–331.
24. Bormpoudakis D. Three implications of political ontology for the political ecology of conservation // *Journal of Political Ecology*. 2019. Vol. 26. № 1. P. 545–566.
25. Shaw I., Meehan K. Force-full: Power, Politics Object-oriented Philosophy // *Area*. 2013. Vol. 45. № 2. P. 216–222.
26. Juronen M., Häkli J. Politicizing ontology // *Progress in Human Geography*. 2017. Vol. 41. № 5. P. 561–579.
27. Latour B. Turning around Politics: A Note on Gerard de Vries' Paper // *Social Studies of Science*. 2007. Vol. 37. № 5. P. 811–820.
28. Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург, М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
29. Chandler D. *Digital Governance in the Anthropocene: The Rise of the Correlational Machine* // Chandler D., Fuchs C. (eds.) *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*. London: University of Westminster Press, 2019. P. 23–42.

Vectors of Evolution of Political Reflection and Politainment

D. B. Kazarinova¹

¹Department of Comparative Politics, RUDN, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow 117198, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-134-141

Research Article
Full text in Russian

The development of political science in Russia largely reflects global trends. The transition to the methodology of quantitative analysis, the increasing role of large interdisciplinary projects with large transnational research teams, the increase in the number of co-authors, the avalanche of publication activity, and the extreme democratization of scientific life are among them. The principle of publish-or-perish, which dominates the education and scientific policies, provokes an exponential growth of publications and a number of negative effects: "salami publications", "guest authorship", etc. In response to these effects, the ideas of "slow science" in the West and active public discussion in the Russian scientific environment develop. At the same time, the generation of meanings and narratives takes place in journalism and politainment - a sphere where politics and entertainment interact and intertwine, creating a new reality. At this point, political theory is becoming more and more elitist. At the same time, metaphor as a tool of theoretical knowledge is becoming increasingly important. Today, political knowledge is a system of hierarchically constructed interacting and interrelated metaphorical concepts. In this context, the abilities of metaphor are important: not only to describe reality more or less accurately, but also to model it. There are two ways to reflect on the political: the professional community, in the context of mass education and science, moves towards detailing knowledge about a narrow subject, while broader political contexts are reflected by society and its intellectual and creative elites through the narratives of mass culture expressed in metaphorical language.

Keywords: political science, methodology, mass science, publication activity, publish-or-perish, politainment, metaphor

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazarinova Darya B.	E-mail: kazarinova-db@rudn.ru
	Candidate of Sciences in Politics, associate Professor of Comparative political science

For citation: Kazarinova D. B. Vectors of Evolution of Political Reflection and Politainment // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 134-141. (in Russ.)

Векторы эволюции политической рефлексии и политейнмент

Д. Б. Казаринова¹

¹РУДН, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-134-141
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

Развитие политической науки в России в значительной мере отражает общемировые тенденции, среди которых наиболее массовыми становятся переход к методологии количественного анализа, увеличение роли больших междисциплинарных проектов с большими транснациональными научными коллективами, увеличение количества соавторов, лавинообразный рост публикационной активности и предельная демократизация научной жизни. Принцип *publish-or-perish*, доминирующий в управлении образовательной и научной сферой, провоцирует экспоненциальный рост научных публикаций и ряд негативных эффектов: «салями-публикации», «гостевое авторство» и др. В ответ на эти эффекты развиваются идеи «медленной науки» на Западе и активное общественное обсуждение в российской научной среде. При этом генерирование смыслов и нарративов происходит в публицистике и политейнменте-сфере, где политика и сфера развлечения взаимодействуют и переплетаются, создавая новую реальность. В этой ситуации политическая теория становится все более элитарным занятием. При этом метафора как инструмент теоретического знания приобретает все большее значение. Сегодня политическое знание – это система иерархически выстроенных взаимодействующих и взаимосвязанных метафорических концептов. В этом контексте важны свойства метафоры: не только более или менее точно описывать реальность, но и моделировать ее. Рефлексия политического идет двумя путями: профессиональное сообщество в условиях массовизации образования и науки движется в сторону детализации знаний об узком предмете, в то время как более широкие политические контексты рефлексиируются обществом, его интеллектуальными и творческими элитами через нарративы массовой культуры, выраженные метафорическим языком.

Ключевые слова: политическая наука, методология, массовая наука, публикационная активность, *publish-or-perish*, политейнмент, метафора

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казаринова Дарья | E-mail: kazarinova-db@rudn.ru
Борисовна | Кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии

Для цитирования: Казаринова Д. Б. Векторы эволюции политической рефлексии и политейнмент // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 134–141.

Введение

О состоянии, кризисе или кризисе развития современной политической науки и ее методологии опубликовано немало работ на Западе [1] и в России [2; 3; 4]. Эта проблема находится в фокусе дискуссии отечественных политологов, что нашло отражение в серии круглых столов РАПН совместно с ИНИОН РАН и рядом других крупных научных и образовательных институций, а также ведущих политологических журналов [5; 6]. На общие проблемы мирового развития общественных наук накладываются национальные проблемы отечественной науки и образования (в первую очередь форсированная интернационализация и бюрократизация), которые существенным образом трансформируют политологию как научную и учебную дисциплину.

Методы

Фактическое схлопывание плюральности гносеологических подходов при нарастающей сложности проявлений политического приводит к тому, что «преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются преимущественно в линейно-детерминистском ключе» [2; с.24]. На практике это выражается в том, что все более распространенным методом изучения политических проблем становится количественный анализ, построение различного рода моделей на основе регрессивного анализа, оценивания методом «разность разностей» (difference-in-differences) (статистический метод, используемый в эконометрике и количественных исследованиях в социальных науках), использования программ обработки естественного языка, других методов с использованием искусственного интеллекта. Такие современные методы, с одной стороны, позволяют с большой точностью обрабатывать данные, в том числе большие данные bigdata. С другой стороны, как подчеркивает Р. Таагепера, использование математических формул еще не делает политологию более научной с точки зрения точности получаемых знаний [1]. Авторы уделяют все большее внимание описанию выборки, конкретным методикам расчета и интерпретации данных. В результате методологический редукционизм привел к тому, что «политология, как и другие социальные науки, сегодня менее научна, чем полвека назад» [3]. В исследованиях доминирует фокус на «малых проблемах» [7], и ученые все чаще отдают предпочтение строгости по отношению к актуальности [8].

Результаты

Дэвид М. Риччи назвал означенный эффект «трагедией политической науки»: поскольку дисциплина стремилась стать более научной для более эффективного решения проблем общества, она стала менее практически актуальной [9].

Следующей проблемой развития социальных наук стало стремление максимизировать количество публикаций. Для академической публикации появилось понятие Least/ smallest/ minimum publishable unit, или Publion – это наименьший объем публикации, минимально необходимый и достаточный объем информации, который можно использовать для подготовки публикации в журнале или тезисах конференции, выступает как часть стратегии максимизации количества публикаций для развития академической карьеры.

Причины этого видятся в довлеющем над всем международным научным сообществом (правда, в разной степени) принципе «publish or perish» (публикуйся или погибни) – это аллитеративный афоризм, описывающий необходимость публикации академической работы для того, чтобы добиться успеха в академической карьере, сформулированный социологом Л. Уилсоном [10]. Этот принцип побуждает публиковать как можно больше научных статей всех без исключения участников образовательного процесса. В отличие от традиционно принятого в науке представления сообществу целостных обобщенных результатов исследования, в «салями-публикации» данные, собранные одним исследовательским проектом, сообщаются отдельно, полностью или частично в нескольких конечных публикациях.

Эффекты принципа «publish or perish»

Чтобы ориентироваться во все более разрастающейся совокупности научных текстов, в помощь ученым работает целая индустрия социальных научных сетей и наукометрических баз данных: идентификатор авторов-ученых ORCID, программа для управления библиографической информацией Mendeley, научные социальные сети ResearchGate и Academia.edu, сервис для отслеживания, проверки и рецензирования научных публикаций Publons, поисковая система по научным публикациям GoogleScholar и др. Миссия такого рода сервисов и социальных сетей состоит в том, чтобы «ускорить» науку, как можно быстрее довести «научный продукт» до «конечного потребителя».

Идея о том, что наука страдает от «ускорения» в результате «публикационного давления», неоднократно высказывалась ведущими учеными. Как ответ на эти процессы возникает идея «медленной науки» (Slow, Unhastening science), которая является частью более широкого «Медленного движения (Slow movement)» – культуры замедления ритма жизни. Идея «медленной науки» основана на убеждении, что наука должна быть медленным, устойчивым, методичным процессом и что от ученых не следует ожидать быстрого решения проблем общества. Медленная наука поддерживает научные исследования, ориентированные на поиск научной истины, и отвергает научную производительность в качестве цели. Российское академическое сообщество также последовательно выступает против подобных механизмов управления образованием и наукой, что, в частности, вылилось в кампанию институтов РАН против применения методики расчета «комплексного балла публикационной результативности» Минобрнауки РФ.

Требование к постоянному наращиванию публикационной активности всех участников образовательного процесса (студентов, аспирантов, преподавательского состава, в том числе кафедр иностранных языков, информационных технологий и иных «сервисных» направлений) вместе с повсеместной массовизацией высшего образования и необходимостью его кадрового обеспечения производит эффект, который можно назвать «массовой наукой», несмотря на то, что это словосочетание и кажется оксюмороном. Подчеркнем, что под «массовой наукой» в данном случае понимается отнюдь не наука, идущая в массы (о ней будет сказано позже), а массы, идущие в науку, причем не по доброй воле, а для сохранения себя в профессии. Если взглянуть на требования по критериям и целевым показателям публикационной активности в НИУ ВШЭ, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, МИД РФ, РУДН и других вузах России и сопоставить их с текущим состоянием публикационной активности их преподавателей по базе РИНЦ, можно оценить потенциал роста количества публикаций в ближайшие годы. Динамика роста публикационной активности вузов России [11]

и так идет темпами, опережающими общемировые. Ориентация на продвижение в международных рейтингах, критерием которых является в том числе и подушевая публикационная активность и цитируемость их ученых, стимулирует эту публикационную гонку к экспоненциальному развитию. Стабилизация количества публикаций на некоем нормальном уровне в этой логике невозможна. Даже для того, чтобы сохранять место в рейтинге, необходимо постоянно наращивать показатели.

При этом критика принципа «publish or perish» не нова и широко распространена, а последствия его применения в жизни научного сообщества уже налицо и позволяют делать следующие выводы: умножение количества публикаций вместо одной обобщающей и концептуальной; увеличение количества соавторов разного уровня причастности к написанию статьи (co-authors, contributor, guest authors) и другие эффекты.

Эти и другие эффекты использования принципов New Public Management в управлении образованием и наукой, в целом представления о том, что социальные процессы могут управляться аналогично бизнес-процессам с использованием «ключевых показателей эффективности» (KPI) и рейтингования, встречают повсеместную критику. Несмотря на это, в образовании и науке в особенности альтернативы этому подходу на уровне управленческой практики в России сейчас нет: все вузы в статусе «ведущих» и научные организации РАН работают на выполнение количественных показателей. Ввиду этого количество новых научных работ выросло на 5 % – с 1 539 695 статей (в 2017 г.) до 1 620 731 статей (в 2018 г.), включенных в базу научных данных Web of Science [12]. Доля России в «валовом научном продукте» тоже постепенно растет, что укрепляет ее позиции в международных рейтингах, но при этом умножает количество не только качественных, но и т. н. «мусорных» публикаций, а тенденции использования описанных управленческих стратегий в образовании и науке заметно укрепляются, что особенно заметно в связи с реализацией Проекта повышения конкурентоспособности российских вузов «5-100» Министерства науки и высшего образования РФ. Соответственно, российскую науку, в том числе политическую, ожидает сходная трансформация.

Нетрадиционные подходы к политическому познанию

У «массовой науки» может быть два измерения: во-первых, это «массы, идущие в науку», – увеличение количества ученых, постоянно производящих научные тексты; об этой тенденции мы говорили выше. Во-вторых, это, условно говоря, «наука, идущая в массы», черпающая возможности политической рефлексии из ненаучных форм познания, воплощающаяся в том числе в такой гибридный феномен, как политеймент. Как было сказано выше, классические подходы зачастую оказываются нерелевантными, так как они не успевают фиксировать реальность в силу высокой динамики социальных трансформаций. В связи с этим «сегодня так или иначе необходимо решать вопрос о совместимости классических и нетрадиционных подходов к политическим явлениям. Причем важность обретают и собственно когнитивные, и семантические, и семиотические аспекты познания» [13]. Политическая рефлексия обращается к нарративам, медиа и новым формам политической коммуникации.

Политеймент подразумевает «политику как единство новости, рекламы и развлечения» [14], новую реальность эпохи всеобщей медиатизации и постправды, которая описывает тенденции в политике и средствах массовой информации, используя элементы связей с общественностью для создания нового вида политической

коммуникации. Политеймент предстает и как средство инсценирования политической коммуникации, симбиоз политики и культуры развлечений. Это целая сфера, где политика и сфера развлечения взаимодействуют и переплетаются, создавая новую реальность. Концепт также предполагает понимание современной политики как бизнеса [15]. Термин «политеймент» характеризует одновременно несколько процессов: во-первых, это «политическое развлечение», когда индустрия развлечений эксплуатирует политические темы в различных развлекательных форматах; во-вторых, это «развлекательная политика», когда политические акторы капитализируют свою публичность (выступления в ток-шоу, участие в светских мероприятиях и т. д.) в целях продвижения собственного имиджа и решения определенных вопросов. В широком понимании политеймент выходит за рамки информационно-развлекательной деятельности, используя популярную культуру как потенциальное пространство для политической деятельности, с одной стороны, а с другой – рефлексии о ней, признавая развлекательные форматы в качестве источника политических знаний о ценностных ориентациях и гражданской активности [16]. Такие жанры, как комикс, блокбастер о супергероях, полнометражный мультипликационный фильм, многое говорят о реалиях геополитики и транслируемых ценностях.

Метафора в современной политической науке

Осмысление политической реальности часто происходит посредством анализа разнообразных явлений политеймента. В «отсутствии на протяжении нескольких десятилетий значимых новационных идей и эвристически эффективных теорий / парадигм [3], способных стать ответом на критические эндогенные и экзогенные политико-интеллектуальные вызовы», общество рефлексировало в новых форматах, а ученые занимаются их вторичным анализом. Научно-публицистическая деятельность также во многих случаях развивается по законам и как часть политеймента. И здесь ключевую роль играет метафора как инструмент концептуализации политической реальности. «Человечество всегда познавало и продолжает познавать мир через инструмент метафоры, сравнивая незнакомое со знакомым» [17]. Сегодня, во времена «конца знакомого мира» [18], «интеррегнума» [19], такого рода познавательный механизм оказывается тем более востребованным, причем не только в общественном дискурсе, но и в фундаментальной науке.

Метафора в политической коммуникативистике как язык политики хорошо изучена [20] и не является здесь предметом нашего анализа. Метафора в собственно политической теории как способ описания политических реалий в политической науке также имеет сильные корни. Начиная с «Левиафана» Т. Гоббса, заканчивая «Концом истории» и «Последним человеком» Ф. Фукуямы, «Мягкой силой» Дж. Ная, история развития политической мысли в значительной степени строится на метафоре. Как показывает филолог Ю. Соловьева, в англоязычном политологическом дискурсе, который лежит в основе современного языка науки политологии, «функционирует система взаимодействующих и взаимосвязанных метафорических концептов, посредством которых репрезентируются основные понятия политологии и ее основные теории ... Метафорические концепты, функционирующие в англоязычном политологическом дискурсе, образуют иерархическую систему, где имеются более простые концептуальные метафоры (контейнер, баланс, структура), посредством которых основные понятия политологии объясняются в учебниках, а также более сложные концептуальные метафоры (строение, механизм, персонификация, путеше-

стве), включающие в себя более частные концептуально-метафорические представления» [21]. В политическую теорию метафоры естественным образом проникают из реального политического дискурса: Холодная война, Игра с нулевой суммой, Ловушка Фукидида – вошли в пул понятий, которыми ученые оперируют без пояснений и ссылок как уже устоявшимися. При этом успех теории в академическом сообществе зачастую связан не столько со степенью концептуализации и исчерпывающей операционализацией нового термина, сколько с меткостью и образностью метафоры, которая взята в качестве названия той или иной теории. В том случае, если метафора позволяет верно и глубоко отразить реальность, она приживается и довольно быстро входит в язык науки в качестве устойчивого выражения.

Как подчеркивает филолог М. Штейнман, «важное свойство политической метафоры – способность моделировать ту или иную версию политической реальности» [22]. И это справедливо не только для политики, но и для рефлексии о ней. В ситуации «размывания референтов и референций» [2], когда принятые понятия перестают отражать новые реалии, «последние зачастую можно осмыслить лишь посредством метафоры, которая, в свою очередь, обладает способностью порождать смыслы ... В ситуации высокой неопределенности по-настоящему действенной стратегией выявления проблем способна быть только метафора» [22]. Безусловно, это далеко не единственный алгоритм познания. Метафора, как и политеймент, никоим образом не заменяет классических академических форм политической рефлексии, но активно дополняет их.

Выводы

Таким образом, рефлексия политического идет двумя путями: профессиональное сообщество в условиях массовизации образования и науки движется в сторону детализации знаний об узком предмете посредством преимущественно количественного анализа, большей научности при определенных потерях в актуальности, в то время как более широкие политические контексты рефлексии обществу, его интеллектуальными и творческими элитами через нарративы массовой культуры, выраженные метафорическим языком.

Ссылки / References

1. Таагепера Р. Две моих мечты. Изложение лекции Рейна Таагеперы, лауреата премии имени Карла Дойча // Политическая наука. 2018. № 1.
2. Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5.
3. Ильин М. В. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 40–67.
4. Торкунов А. В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 8–16. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.02>
5. Гаман-Голутвина О. В., Сморгун Л. В., Тимофеева Л. Н. Политическая наука перед вызовами современной политики (VII Всероссийский конгресс политологов, 19–21 ноября 2015 г., Москва, МГИМО МИД РФ) // Политическая наука. 2016. № 2.
6. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука, 2018. № 1. С. 40–67.

7. Taagepera R. Science Walks on Two Legs, but Social Sciences Try to Hop on One // *International Political Science Review*. 2018. Vol. 39. № 1. P. 145–159. <https://doi.org/10.1177/0192512116682185>
8. Desch M. C. How Political Science Became Irrelevant. The field turned its back on the Beltway, 2019. URL: <https://www.chronicle.com/article/How-Political-Science-Became/245777> (дата обращения: 15.11.2019)
9. Ricci D. M. *The Tragedy of Political Science. Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven: Yale University Press, 1987.
10. Wilson L. *The Academic Man: A Study in the Sociology of a Profession*. Routledge, 1995.
11. Гришакина Е. Г. Публикационная активность российских исследователей: университетская наука // *Наука. Инновации. Образование*. 2016. № 4 (22).
12. Pakistan and Egypt had highest rises in research output in 2018. Global production of scientific papers hit an all-time high this year, estimates show, with emerging economies rising fastest. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-07841-9>. doi: 10.1038/d41586-018-07841-9 (дата обращения: 15.11.2019)
13. Соловьев А. И. Страничка главного редактора // *Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований*. М., 2017. С. 3.
14. Больц Н. *Азбука медиа*. М.: Европа, 2011.
15. Schultz D. *Politainment: The Ten Rules of Contemporary Politics: A citizens' guide to understanding campaigns and elections*, 2012. URL: https://www.mruni.eu/mru_lt_dokumentai/fakultetai/business_and_media_school/politainment%20rules%20of%20politics%20%20final.pdf (дата обращения 20.04.2020)
16. *Politainment* // *The International Encyclopedia of Political Communication*. Wiley Online Library, 2016. doi: 10.1002/9781118541555.wbiepc157
17. Коктыш К. Е. *Теория метафоры и политические институты* / Под ред. Т. А. Алексеевой. М.: МГИМО-Университет, 2019. 226 с.
18. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира: Социология XXI века* / Пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: Логос, 2003.
19. Бауман З. *Междувластие* // *Россия в глобальной политике*. 2012. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Mezhduvlastie-15784> (дата обращения: 15.11.2019)
20. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. *Когнитивная теория метафоры в современной российской политологии: Методологические проблемы* // *Политическая наука*. 2017. № 2. С. 16–29.
21. Соловьева Ю. А. *Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. М., 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/kontseptualnaya-metafora-v-angloyazychnom-nauchnom-politologicheskom-diskurse#ixzz616EGVD8k> (дата обращения: 15.11.2019).
22. Штейнман М. А. *Трансформация метафоры власти в XX – начале XXI столетия на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина* // *Полития*. 2019. № 2 (93). URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-28-47.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-28-47.pdf) (дата обращения: 15.11.2019). doi: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-28-47.

On the question of a new conflictological thinking in the framework of the integration science of politics

A. V. Solovyov¹

¹RANEPA, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-142-151

Research Article
Full text in Russian

The author presents his own vision of the actual problems facing political conflictology as a discipline included in the structure of political science. Attention is drawn to the actual problems facing the authors who develop the problems of political conflictology. They are caused by the fact that conflicts are a phenomenon of political reality, and political management of society includes both the process of conflict reproduction and the process of conflict resolution. Two views of the policy are given. According to one, politics is a program of action and the result of people's actions, while the other characterizes politics as a space of competition and contradictions. Both do not exclude the conflict from the political sphere, moreover, they are an integral part of any political process. Loss of manageability, transition to "manual management", unpopular decisions of the government lead to the absence of a full-fledged policy, to the growth of citizens' distrust of government institutions.

Keywords: political conflictology; public policy and management; conflict-production and conflict-resolution; social tension

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Soloviev Anatoliy V. | E-mail: savhome@yandex.ru
Doctor of Sciences in Economics, Professor of the Department of
labor and social policy

For citation: Solovyov A. V. On the question of a new conflictological thinking in the framework of the integration science of politics // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 142-151. (in Russ.)

К вопросу о новом конфликтологическом мышлении в рамках интеграционной науки о политике

А. В. Соловьев¹

¹РАНХиГС, проспект Вернадского, 82, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-142-151
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

Автор излагает собственное видение актуальных проблем, стоящих перед политической конфликтологией как дисциплиной, входящей в структуру политической науки. Обращается внимание на актуальные проблемы, стоящие перед авторами, разрабатывающими проблематику политической конфликтологии. Эти проблемы обусловлены тем, что конфликты – явление политической реальности, и политическое управление обществом включает как процесс конфликтовоспроизводства, так и процесс конфликто разрешения. Приводятся два представления о политике. Согласно одному, политика – программа действия и результат действия людей, другое характеризует политику как пространство конкурентной борьбы и противоречий. И то, и другое не исключают конфликты из политической сферы, более того, они являются неотъемлемой частью любого политического процесса. Потеря управляемости, переход к «ручному управлению», непопулярные решения власти приводят к отсутствию полноценной политики, к росту недоверия граждан к институтам власти, провоцируют социальное напряжение и в политической, и в экономической, и в социальной сферах, обостряются отношения населения с властью и в трудовой сфере. Поскольку в политике осуществляется не только борьба, но и диалог, она является пространством не только конфликтов, но и компромиссов. Потребности политического компромисса обусловили предложение Президента Российской Федерации вынести вопрос об изменениях в Конституции и доверии/недоверии президенту на всенародное обсуждение.

Ключевые слова: политическая конфликтология; государственная политика и управление; конфликтовоспроизводство и конфликто разрешение; социальная напряженность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев Анатолий Владимирович	E-mail: savhome@yandex.ru Доктор экономических наук, профессор кафедры труда и социальной политики
-----------------------------------	---

Для цитирования: Соловьев А. В. К вопросу о новом конфликтологическом мышлении в рамках интеграционной науки о политике // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 142–151.

Предмет дискуссии – политическая наука в поисках нового мышления – носит характер провокации. В данном случае под провокацией понимается побуждение к поиску путей развития политической науки. Вспомним, что ребёнок приходит в наш мир и начинает мыслить, не имея никакой мыслительной базы. Поэтому, когда на повестку дня вынесено обсуждение проблемы нового мышления представителей политической науки, то, скорее, ожидается разговор не только о поисках новых направлений в осмыслении актуальных вопросов бытия, но и о состоянии базы политологического знания. Именно такой вывод, на мой взгляд, можно сделать, прослушав доклады профессоров Т. А. Алексеевой и Л. В. Сморгунова. От оценки основных докладов первых Субботних политологических чтений в Президентской академии перейду к изложению заявленной мной темы.

В структуру политической науки входит такая научная дисциплина, как политическая конфликтология. Естественно, что при обсуждении такой темы, как «Политическая наука в поисках нового мышления», целесообразно обратить внимание на некоторые аспекты актуальных проблем, стоящих перед авторами, разрабатывающими проблематику политической конфликтологии. Обусловлено это тем, что социальный конфликт является одним из объектов политической реальности, а проблематика политического управления обществом включает в себя и проблему конфликтовоспроизводства, и проблему конфликто разрешения [1].

Вслед за некоторыми отечественными конфликтологами [2] можно утверждать, что одним из направлений политической конфликтологии является исследование внутривластных конфликтов. Однако, заявляя это, необходимо обратить внимание на некоторые противоречия, существующие на данном этапе развития политической науки.

Так, например, понятие «политика», ставшее междисциплинарным, т. е. используемым представителями других общественных наук, приобрело одностороннее понимание. Это означает, что практически забыт дуализм сущности этого понятия, раскрытый Раймоном Ароном [3]. Большинство отечественных авторов раскрывает понятие «политика» в значении английского термина «policy» – концепция, мероприятия, программа действий, а то и сами действия группы людей, правительства по отношению к какой-либо проблеме или совокупности проблем, существующих в обществе.

Во втором значении слово «политика» (англ. politics) относится к той области общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические направления, мировоззрения, где конкурируют или противостоят различные политические направления в значении policy. Таким образом, в значении politics политика – это область (пространство), внутри которой борются или ведут социальный диалог различные общественные слои и группы, имеющие собственную policy, т. е. свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение.

Оба значения (policy и politics) взаимосвязаны и обладают потенциалом возникновения социальных конфликтов.

С точки зрения конфликтологии, политика как концепция, мероприятия, программа действий, разработанные и реализуемые, например, ведущей политической партией или правительством, обладает потенциалом возникновения социальных конфликтов postfactum. В качестве отечественных примеров можно напомнить

о «зурабовской» монетизации льгот [4], а также привести ситуацию воспроизводства социальной напряженности в обществе в результате принятия решения о повышении в России пенсионного возраста в тот период времени, когда ряд зарубежных стран принял решение противоположного характера, то есть о снижении ранее повышенного пенсионного возраста [5].

Существует точка зрения, согласно которой задачей политического анализа становится выявление напряженности вообще [6]. Но что скрывается за конфликтологическим понятием «повышение социальной напряженности»? Применительно к социально-трудовой сфере ответ таков: на практике со стороны российских трудящихся не только возросло недоверие к власти, но и поменялось отношение к труду, не говоря об отношении к инновациям, без которых не может произойти экономического роста. В целом можно утверждать, что повышение социальной напряженности за счет непопулярного в обществе решения со стороны власти увеличило количество трудящихся, вовлеченных в скрытое сопротивление на рабочих местах [7; 8] таким задачам, как рост производительности труда и внедрение инноваций.

В данном контексте уместно напомнить об оценке внешней среды со стороны Комитета по свободе объединения Международной организации труда (далее – Комитет). Она была сформулирована в ходе освещения права трудящихся на забастовку. Итак, Комитет отмечает, что «политика правительства нередко вызывает прямые последствия для трудящихся и предпринимателей, например, в случае введения мер по замораживанию цен и заработной платы» [9].

В современной России объективно существует конфликт между риторикой необходимости социально-экономического развития страны и отсутствием надлежащих управленческих решений на государственном уровне для создания условий для такого развития. В результате происходит демотивация трудящихся к труду результативному и качественному [10]. На этот конфликт можно было бы не обращать внимания, если бы не следующее обстоятельство. Согласно точке зрения Дэвида Трумэна, любая активность (и активность трудящихся), связанная с управлением, становится политической [11].

Таким образом, можно утверждать, что в рамках конфликтологической концепции представителям политической науки необходимо больше внимания уделить проблематике конфликтопроизводства со стороны институтов и органов современного государства¹. С одной стороны, это согласуется с выводом Йозефа Шмида о том, что современное государство выступает в двух ипостасях – как «конфликтопроизводящее государство» и как «конфликторазрешающее государство» [1]. При этом, с другой стороны, в современных условиях политика как рыночное производство решений относительно публичных благ [13] должна формироваться и осуществляться так, чтобы минимизировать конфликты в обществе. Последнее означает, что политика не должна приводить к грубому попранию конституционной нормы об обеспечении достойной жизни и свободном развитии человека (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ).

---

¹О свойствах современного государства см. [12].

Проблемное поле конфликтопроизводства современным государством включает в себя вопросы идентификации интересов управляемых с интересами субъекта, принимающего политические решения (1), общности интересов властвующих и подвластных (2), обратной связи между управляющими и управляемыми (3), политической ориентации (4), политического выбора (5), политической ответственности (6), замещения государственного управления управлением государственных чиновников (7).

Отдельно отметим точку зрения Джеймса Фишкина: «Убеждение – самая приемлемая форма политической власти. Любая другая власть понижает автономию и самоопределение индивидов»[12]. К этому можно добавить, что эта приемлемая форма политической власти работает и на адаптацию подвластных, и на предупреждение социального конфликта. Следовательно, в процесс принятия управленческих решений в масштабе государства должна входить такая компонента, как конструктивное убеждение подвластных в целесообразности определенного решения. Но если принятое решение по той или иной причине не будет адекватно воспринято подвластными, то в этом случае необходимо оценивать состояние конфликтного потенциала новой реальности. Так, например, произошло в 2008 году, когда Правительством РФ была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период 2008–2020 гг. Ожидаемой мобилизации российских трудящихся на повышение производительности труда в показателях, предусмотренной этой Концепцией, не произошло. Этого и не могло произойти, так как разработчики Концепции и Правительство РФ не предусмотрели ни показателей повышения уровня жизни трудящихся, ни мер, направленных на решение такой задачи.

Можно утверждать, что указанная Концепция-2020 по своему содержанию отвечала подходу, согласно которому «социальная политика должна заниматься не только и не столько опекой, сколько предъявлять высокие требования к работнику» [14].

Далее обратим внимание на второе определение политики и её конфликтологический потенциал. Итак, когда политика понимается как область (пространство), внутри которой борются или ведут социальный диалог различные общественные слои и группы, то между взаимодействующими общественными слоями и группами могут возникать как конфликты, так и компромиссы.

На современном этапе общественной жизни, когда осуществляется идеология социального партнёрства не только в социально-трудовой сфере, но и во взаимодействии институтов и органов гражданского общества и государства, теоретически нет оснований для возникновения социальных конфликтов. Общественные организации в своём большинстве, как и в один из периодов существования СССР, действуют по отношению к власти по принципу «одобрямс». Очевидно, не надо пояснять, что таким образом они одобряют внутреннюю политику государства. И про-

исходит это на фоне потери управляемости системой государственного строительства, в которой имеет место беспримерный разгул таких феноменов, как коррупция¹, клиентелизм [16], nepотизм.

Поясним, что потеря управляемости привела к тому, что в лексиконе политологов появилось выражение «ручное управление» [17]. Потеря управляемости в масштабах страны имеет негативные последствия, среди которых можно выделить как отсутствие полноценной политики [18], так и рост недоверия граждан к институтам власти. Последний фактор приобрел для представителей власти особое значение, поскольку в ходе обсуждения предложенных Президентом РФ изменений в Конституцию на повестку дня был вынесен вопрос о характере плебисцита – о доверии² или недоверии непосредственно Президенту РФ.

Далее целесообразно обратить внимание на такой аспект «нового мышления», как осознание природы конфликта интересов, который проявляется в системе государственного управления и объективно приводит к дисфункциональным (деструктивным) последствиям, поскольку имеет коррупционную основу. Обусловлено это несколькими причинами. Во-первых, в литературе по конфликтологии, включая справочную, понятие «конфликт интересов» раскрывается, неоднозначно, своеобразно. Так, например, в произведении «Конфликтология: терминологический словарь» под конфликтом интересов понимается «противоборство групп чиновников государственной и муниципальной службы за получение теневых выгод от использования своих должностных обязанностей» [19].

Во-вторых, представители юридической науки имеют собственное понимание сущности конфликта интересов. Так, в одном случае это понятие раскрывается как «ситуация, при которой заинтересованность государственного или муниципального служащего в получении личной выгоды ведет к ненадлежащему исполнению служебных обязанностей и причиняет ущерб правам и интересам граждан, групп и организаций» [Там же]. В другом случае конфликт интересов характеризуется как одна из стадий развития юридического конфликта, а точнее, предконфликтная ситуация [20].

В-третьих, авторы отечественного словаря конфликтолога раскрывают понятие «конфликт интересов» без учёта того факта, что это понятие может использоваться как в ситуациях противоборства субъектов социально-трудовых отношений, обладающих конкурирующими экономическими интересами, так и в ситуациях проявления коррупции во всех общественных отношениях [21].

В-четвертых, в учебной литературе по проблематике государственной политики и управления порой можно встретить точку зрения о причине возникновения конфликта интересов, которую разделить трудно. Так, например, полагается, что конфликты в системе государственного управления, имеющие коррупционную основу, вызваны противоречием «между абстрактными общезначимыми нормами и потребностями граждан» [1].

---

¹Е. В. Охотский пишет о коррумпированности государства: «*Коррумпированное государство* – тематика крайне актуальна для российского государства. <....> Основной сущностной характеристикой такого государства является элитная коррупция, связанная с корыстными злоупотреблениями в большой политике, государственном и муниципальном управлении» [15].

²В. П. Макаренко отмечает, что в современной политической теории доверие почти не изучается [12].

Нельзя не обратить внимания и на подход представителей юридической науки на проблему противодействия коррупции, в которой конфликт интересов занимает особое место. Так, полагается, что урегулирование конфликта интересов – это основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления. При этом выражается мнение, согласно которому этот институт существенно эволюционировал и из фактически не работающего до 2011 года превратился в мощный инструмент реализации антикоррупционной политики [20].

Остановимся на термине «институт урегулирования конфликта интересов». Поскольку конфликт интересов возникает и протекает в среде институциональных отношений (трудовых, служебных и пр.), то под термином «институт урегулирования конфликта интересов» следует понимать группу норм права, содержащихся в действующем законодательстве и предусматривающих порядок урегулирования конфликта интересов. Но содержит ли российское законодательство группу норм права, предусматривающих порядок урегулирования конфликта интересов?

Порядок урегулирования предусмотрен ст. 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями на 16 декабря 2019 года¹). В соответствии с ч. 4 ст. 11 указанного законодательного акта «Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения лица, указанного в части 1 статьи 10 настоящего Федерального закона, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов».

По смыслу приведенной нормы весь порядок урегулирования конфликта интересов, имеющего коррупционную основу, сводится к изменению должностного или служебного положения лица, вовлеченного в коррупционное деяние или совершившего его.

С точки зрения осуществления прагматической функции политической конфликтологии необходимо понять, что: 1) по своей природе конфликт интересов, имеющий коррупционную основу, является морально-правовым конфликтом [22]; 2) для урегулирования конфликта интересов в него должно вмешиваться такое третье лицо, которое по праву способно определить вину государственного или муниципального служащего и привлечь его к соответствующей юридической ответственности; 3) проведение процедуры медиации (посредничества) с целью разрешения конфликта интересов нецелесообразно [Там же].

Обратим внимание на дуализм природы конфликта интересов, обладающего коррупционной основой, поскольку это имеет непосредственное отношение к вопросу, какая работа (или обхождение, по Ф. Глазлу [23]) с этим конфликтом должна быть выбрана, если в теории конфликтологии существует множество понятий, описывающих все возможные способы воздействия на конфликт. Так, например, при возникновении морального конфликта может идти речь о его преодолении [24]. Применительно к рассматриваемому нами морально-правовому конфликту следует использовать выражение «урегулирование конфликта». Обусловлено

---

¹Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902135263>

это тем, что вмешательство в этот конфликт должно осуществляться третьим лицом, обладающим правомочием на установление виновного или невиновного поведения лица, выступающего в качестве непосредственного участника конфликта с коррупционной основой. Кроме того, это третье лицо должно обладать правомочием на привлечение лица, реально совершившего коррупционное деяние, к соответствующему виду юридической ответственности. А моральная составляющая анализируемого нами конфликта на практике может привести к тому, что лицо, совершившее коррупционное деяние, получит нравственное осуждение со стороны представителей общественности.

В данном контексте отметим, что некоторые представители отечественной политической науки порой делают необоснованные выводы по поводу урегулирования конфликта интересов, имеющего коррупционную основу. Так, например, при правильном понимании наличия в исследуемом конфликте такой составляющей, как моральная, полагается, что внедрение в систему государственной и муниципальной службы кодексов этики будет способствовать более успешному урегулированию таких конфликтов [25]. В данной связи следует заметить, что кодексы этики содержат рекомендации по должному поведению государственных и муниципальных служащих, то есть эти кодексы выступают дополнением к правовой культуре того или иного служащего. Но в современной России состоянии правовой культуры в обществе находится на низком уровне, что усугубляется традиционным правовым нигилизмом [26].

Перейдём к следующей функции политической конфликтологии. В рамках инструментальной функции политической конфликтологии актуальной проблемой является методология предупреждения конфликта интересов, имеющего коррупционную основу. И здесь можно предложить следующие направления: 1) определение мер, направленных на изменение положения в части разрушения векторов социализации россиян, приведшей к криминализации психологии личности; 2) определение мер, направленных на установление реальных и эффективных барьеров на распространение «вируса» nepотизма и клиентелизма.

Одним из объектов профилактического воздействия на личность в деле предупреждения конфликта интересов в системе государственной и муниципальной службы является правосознание, то есть система взглядов, оценок, представлений личности о сущности и характере правового администрирования относительно должного и юридически значимого поведения, правомерности или неправомерности того или иного поступка, имеющего в своей потенции определенные социальные последствия.

Всё сказанное очерчивает круг вопросов, которые, на наш взгляд, укладываются в проблемное поле политологии как интегративной науки, находящейся в поисках нового мышления.

Ссылки / References

1. Альгин А. П. Конфликты и государственное управление // Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть I. Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 309–328.

2. Большаков А. Г., Мансуров Т. З. Политическая конфликтология. Конспект лекций. Казань, 2014. URL: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/22006/16_226_A5kl-000662.pdf (дата обращения: 15.02.2020)
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Пер. с франц. М.: Текст, 1993. 301 с.
4. Лужков Ю. М. Социальная нищета богатеей страны // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. 2005. № 13 (133). С. 35–41.
5. Делягин М. Вслед за Францией и Польшей пенсионный возраст снижает Италия. Как так? Подробнее на «БИЗНЕС Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/410254> (дата обращения: 15.02.2020)
6. Глухова А. В. Введение // Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А. В. Глуховой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 7–10.
7. Соловьев А. В. Коллективные трудовые конфликты: сущность, формы и способы преодоления в современной России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 51 с.
8. Соловьев А. В. Преодоление трудовых конфликтов коллективного характера: Монография. Ч. 1. Конфликтный потенциал социально-трудовой сферы. М.: РАПС, 2008. 226 с.
9. Свобода объединения. Сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов. Женева, Международное бюро труда, 1997. 238 с.
10. Соловьев А. В. Факторы демотивации труда как объект управления человеческими ресурсами // Социально-экономические проблемы развития трудовых отношений в инновационной России: материалы Международной научно-практической конференции. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014. С. 225–235.
11. Сморгунова В. Ю. Феномен политического знания: Монография. СПб.: Образование, 1996. 432 с.
12. Макаренко В. П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.
13. Сморгунов Л. В. Теория рационального выбора и сравнительная политология // Рациональный выбор политике и управлении / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. 240 с.
14. Морозова Г. В. Социальная политика в целях перехода к рыночной экономике // Введение в политологию (учебное пособие). Казань: Издательство Казанского университета, 1992. С. 133–140.
15. Охотский Е. В. Управленческие патологии государства: неопределенности, дисфункции, социальные риски // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 2. С. 57–70.

16. Гаман-Голутвина О. В. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации // Теория и практика государственного и муниципального управления / Под ред. В. С. Комаровского; Российская ассоциация политической науки (РАПН). Смоленск: Смоленская городская типография, 2010. С. 40–61.
17. Комаровский В. С. Политика развития и трансформации модели государственного управления в России // Теория и практика государственного и муниципального управления / Под ред. В. С. Комаровского; Российская ассоциация политической науки (РАПН). Смоленск: Смоленская городская типография, 2010. С. 22–39.
18. Глухова А. В. Политическая конфликтология в поисках новой парадигмы // Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А. В. Глуховой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 19–34.
19. Дмитриев А. В. Конфликтология: терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУП, 2013. 80 с.
20. Цирин А. М., Севальнев В. В., Черепанова Е. В. Конфликт интересов: право и этика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. (70). С. 49–63.
21. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 4-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2020. 536 с.
22. Соловьев А. В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 256 с.
23. Глазл Ф. Конфликтменеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта / Пер. с нем. Калуга: Духовное познание, 2002. 516 с.
24. Шепель В. М. Управленческая этика. М.: Экономика, 1989. 284 с.
25. Ирхин Ю. В. Этическое измерение модернизации деятельности государственных служащих (сравнительный анализ) // Модернизация и политическое развитие России. Сборник научных статей / Отв. ред.-сост. А. С. Фалина. М.: Проспект, 2012. С. 140–148.
26. Рахманин В. С. Факторы политической конфликтогенности в современном мире // Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А. В. Глуховой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 65–87.

The issue of evaluating the effectiveness of public administration in modern Russia

N. V. Kiseleva^{1,2}

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Department of public affairs of Yaroslavl region, 3 Sovetskaya square, Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-152-161

Research Article
Full text in Russian

In the article the major stages in the implementation of effectiveness performance of executive government bodies in Russian Federation are presented during the period 2004-2019.

It is demonstrated that the new system of evaluation criteria has been developed alongside two key directions. The first one is connected with the increase of significance of sociological indicators, reflecting the estimates by the region population the performance of executive government, dealing with a broad spectrum of issues. The second perspective of the development presupposes the use of the system of indicators, which enable us to evaluate the effectiveness of performance of separate power holders. Introduction of the system of Key Performance Indicators (KPI) in 2019 contributed to the integration of the above mentioned directions in the development of methodic of effectiveness evaluation of power bodies's performance and management.

The practice of implementation of key performance indicators in Russia, its first experience and limitations are under consideration. In particular, in spite of the significance of sociological criterion, that has been included in the system of evaluation, its particular methodic of calculation is not confirmed. This limitation obstructs the very usage of this methodic, contributes to the politization of the results of its implementation.

The conclusion is made that the content of the introduced in different times methodics and indicators deals with the current demands of central power bodies and the state in general. The process of perfection of the evaluation system of executive power's effectiveness of regions in Russia is not finished and is in the process of its further consideration.

Keywords: executive government, evaluation of performance effectiveness, sociological indicator, key performance indicators

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiseleva Natalia V. | E-mail: nkiseleva_polit@mail.ru
Senior lecturer, consultant of the Social and political developments
department

For citation: Kiseleva N. V. The issue of evaluating the effectiveness of public administration in modern Russia // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 152–161. (in Russ.)

Проблема оценки эффективности государственного управления в современной России

Н. В. Киселёва^{1,2}

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Департамент общественных связей Ярославской области, Советская пл., 3, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-152-161
УДК 316.013

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены основные этапы внедрения системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (в период 2004–2019 гг.).

Показано, что система критериев оценки развивалась в двух ключевых направлениях. Первое связано с увеличением значимости социологических показателей, отражающих оценку населением регионов деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по широкому кругу вопросов. Второе направление развития предполагает использование системы показателей, которые позволяют оценить эффективность деятельности отдельных должностных лиц. Введение в 2019 году системы КРП (КРП – Key Performance Indicators, КПЭ – ключевые показатели эффективности) способствовало интеграции отмеченных направлений в развитии методики оценки эффективности деятельности органов власти и управления. Рассмотрена практика внедрения системы ключевых показателей в России, первый опыт ее применения, основные ограничения. В частности, несмотря на значимость социологического критерия, включенного в систему оценки, методика его расчета не утверждена. Отмеченное ограничение затрудняет применение методики, способствует политизации результатов ее реализации.

Сделан вывод о том, что содержание вводимых в различное время методик и показателей оценки связано с текущими потребностями центральной власти и государства в целом. Процесс совершенствования системы оценки эффективности исполнительной власти регионов в России не является завершенным и находится в стадии дальнейшего осмысления.

Ключевые слова: исполнительная власть, оценка эффективности, социологический показатель, ключевые показатели эффективности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселёва Наталия Викторовна

E-mail: nkiseleva_polit@mail.ru

Старший преподаватель, консультант отдела социально-политических разработок

Для цитирования: Киселёва Н. В. Проблема оценки эффективности государственного управления в современной России // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 152–161.

Введение

В последние десятилетия возникновение новых целей и задач государственного управления, дальнейшее развитие человеческого потенциала потребовали существенных преобразований в деятельности органов государственной власти, в том числе в сфере оценки их эффективности.

Все чаще для решения данной задачи применяется система ключевых показателей оценки деятельности (KPI) в сфере госуправления. Ранее данный инструмент доказал свою эффективность в управлении бизнесом. Вместе с тем использование системы KPI применительно к деятельности государственных служащих имеет целый ряд особенностей. В частности, эффективность деятельности органов власти и управления сложно измерить лишь посредством экономических показателей. Важны и неэкономические критерии. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать практику внедрения системы ключевых показателей в России, ее возможности и ограничения.

Развитие системы оценки эффективности органов исполнительной власти регионов в современной России

Система государственного управления в современной России формировалась в течение всего периода после распада СССР. Её развитие условно можно разделить на несколько периодов. *Первый* связан с президентством Б. Н. Ельцина и отмечен трансформацией политико-административной элиты [1], построением новой системы отношений «центр и регионы» [2], политической системы, структуры органов власти различного уровня, системы подбора кандидатов и форм их избрания на должность глав субъектов и местных органов власти и т. д.

По мнению Е. Н. Головенкина, «*второй* период начинается с 2000 года, когда 28 марта президентом России был избран В. В. Путин, и продолжается до настоящего момента» [3, с. 174]. Это время активного государственного и политического строительства, укрепления власти Президента РФ, концентрации политических и экономических ресурсов в федеральном центре, ослабления региональных элит, построения «более качественного взаимодействия трёх ветвей власти» [4].

В рамках процесса централизации власти в декабре 2004 года В. В. Путин подписал закон, вносящий изменения в систему избрания глав субъектов Федерации¹. В соответствии с данным законом введен новый порядок назначения губернаторов.

Первый важный аспект этого порядка заключался в наделении Президента РФ правом отстранять губернаторов от должности «в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом»². Второй – «гражданин Российской Федерации наделялся полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по представлению Президента

---

¹Федеральный закон от 11.12.2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». URL:

<http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/1233>

²Там же.

РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ» [5]. Цель данного закона заключалась в достижении политической стабилизации и снижении самостоятельности (роли) региональной элиты. При этом Федеральный закон № 159-ФЗ от 11.12.2004 г. коренным образом изменил систему ответственности за положение дел в регионах. Неудачи, просчеты, провалы и непопулярные инициативы органов исполнительной власти регионов стали оказывать негативное влияние на общий имидж федеральной власти.

Отмеченный период характеризуется также возрастающей потребностью федеральной власти в информации о ситуации в регионах страны. В связи с этим начинается активная разработка методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Оценка эффективности государственного управления представляет собой самостоятельную и сложную проблему теории административно-политического управления [6]. В связи с этим лишь в декабре 2006 года было разработано положение «Об эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов» и об обязанности губернаторов отчитываться перед Президентом¹. В целях определения критериев эффективности деятельности глав регионов была создана рабочая группа, которая предложила перечень показателей из 127 пунктов. Опыт практического применения предложенной системы критериев выявил ряд существенных недостатков.

Большое количество критериев и сложная методика их подсчета тем не менее не позволяли увидеть реальное положение дел в регионе. В результате через год Указом Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» вводится новая система показателей оценки эффективности исполнительной власти регионов из 43 пунктов². Предложенный перечень показателей содержал исключительно статистические данные, характеризующие развитие всех сторон «жизни субъекта», вплоть до «количества экземпляров библиотечного фонда общедоступных библиотек на 1000 человек населения»³.

Анализ содержания показателей перечня позволяет констатировать, что оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти способствовала обеспечению органов федеральной власти достоверной информацией о положении дел в регионах. Иначе говоря, была проведена своего рода масштабная «ревизия».

Вместе с тем предложенная методика оценки содержала также существенные ограничения. В частности, она не предусматривала проверку данных, предоставляемых губернаторами субъектов РФ в своих отчетах. Кроме того, система показателей не позволяла составить представление об удовлетворенности населения положением дел в регионе. В итоге данные, полученные в результате применения системы показателей из 43 критериев, не позволяли получить полное представление о развитии региона и об эффективности деятельности органов исполнительной власти в субъекте РФ.

---

¹Федеральный закон от 29.12.2006 № 258-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий»

²Указ Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ»

³Там же.

В этот период тема оценки эффективности деятельности органов государственной власти получила широкое обсуждение в научной среде. Анализом существующей системы и разработкой новых индикаторов занимались отдельно экономисты, политологи, социологи, юристы и т. д. Одни считали, что показателей в перечне слишком мало, другие – что слишком много, третьи – сомневались в их корректности. Каждый разработчик старался предложить свой перечень критериев.

Возможно, под влиянием результатов исследований, а также финансово-экономического кризиса 2008 года в апреле 2009 года вышло Постановление правительства Российской Федерации о дополнительных критериях оценки эффективности деятельности губернаторов¹. На этот раз Правительство определило 239 дополнительных показателей, по которым отчитывались органы исполнительной власти субъектов Федерации². В новом варианте методики оценки были учтены ограничения предыдущей версии. В частности, она предусматривала систему проверки данных, которые отражались в отчетах губернаторов.

Вместе с тем новый вариант не избежал недостатков. В частности, появление дополнительных показателей привело к появлению больших массивов данных, требующих трудоемкого анализа. Кроме того, предложенная система оценки затрагивала исключительно экономическое развитие региона, реализацию реформ и проблему целевого использования бюджетных средств. Как следствие, она не позволяла составить комплексное и целостное представление о ситуации в регионе.

В 2010 году Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым подписан указ³, согласно которому в уже существующий перечень были внесены дополнительные пункты, связанные с энергоэффективностью и энергосбережением.

В год возврата прямых выборов глав субъектов РФ (всего в 75 регионах) В. В. Путиным был подписан указ⁴, в котором утверждены 12 показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Особый интерес специалистов вызывал критерий, предполагающий оценку населением деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ⁵. Введение социологического показателя в систему оценки исполнительных органов власти позволило проводить мониторинг общественных настроений по отношению к главе региона и региональному правительству. Однако его вес в расчете комплексной оценки не превышал 20 % [7].

---

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»

² Там же.

³ Указ Президента РФ от 13 мая 2010 г. № 579 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности»

⁴ Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»

⁵ Там же.

В дальнейшем в нормативно-правовые акты, регулирующие определение перечня показателей оценки, вносились изменения и дополнения. При этом показатель оценки населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации был сохранен. Таким образом, развитие системы показателей оценки деятельности исполнительной власти осуществлялось в направлении постепенной апробации социологических критериев для целей государственного управления.

Значимость данной категории критериев существенно возросла в рамках новой системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принятой Указом Президента РФ от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»¹ (документ утратил силу с 25 апреля 2019 года). Указом определены 24 показателя, которые характеризуют основные достижения субъекта в социально-экономической и общественно-политической сферах. Однако при этом наряду с оценкой населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, проводятся замеры «оценки населением условий для самореализации, в том числе для самореализации детей», «оценки удовлетворенности населения услугами в сферах образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания», «оценки населением эффективности деятельности органов государственной власти Российской Федерации»².

Расширение практики применения социологических показателей в оценке эффективности становится ничем иным, как средством замера социальной легитимации публично-властных, общественно-важных решений. Основу легитимации решений органов власти, «согласно классической социологической литературе, составляет социальная мотивация личности» [8, с. 6]. В своей работе С. В. Васильева указывает, что «легитимация представляет собой не имеющие четкой структуры ожидания общества, которые возникают в ходе фактического коммуникационного процесса, поддерживаются на уровне правового регулирования и, по сути, не заключают в себе нормативный смысл...» [Там же]. С точки зрения С. В. Васильевой, только участие граждан в решении общих проблем позволяет достичь оптимальной социальной легитимации власти [8]. Предложенная система показателей позволяет достичь поставленной цели.

Включение социологических показателей в систему оценки эффективности деятельности органов власти различного уровня стало возможно в том числе благодаря развитию средств коммуникации и практически повсеместного доступа граждан к информационно-новостным материалам. Каждый человек стал автономным агрегатором огромного массива данных, которые, сортируя, отбирая и перерабатывая определенным образом, он использует для определения электоральных предпочтений, выработки отношения к общественно-политическим и социально-экономическим решениям власти. Именно эти предпочтения и отношения считаются социологическими показателями эффективности деятельности органов власти.

Несмотря на различие в количестве устанавливаемых критериев и их содержательном наполнении, рассмотренные системы оценки эффективности органов

---

¹ Указ Президента РФ от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»

² Там же.

государственной власти объединяет общая черта. Вплоть до 2019 года в России осуществлялась оценка эффективности деятельности исполнительных органов власти региона в целом, без определения персональных показателей эффективности субъектов принятия решений.

В апреле 2019 г. Президент России подписал указ¹, которым утверждена новая методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти, при этом впервые с 2006 года в ней в качестве объекта оценки выступили главы субъектов РФ, введена их персональная ответственность.

Первый масштабный опыт внедрения KPI в государственном управлении в России

Методика новой системы оценки разработана Министерством экономического развития РФ совместно с Аппаратом Президента РФ. В перечне показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (утвержден Указом Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193) остались 15 индикаторов. Среди них:

- 1) уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации);
- 2) количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики;
- 3) численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей;
- 4) производительность труда в базовых несырьевых отраслях экономики;
- 5) уровень реальной среднемесячной заработной платы;
- 6) объем инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета;
- 7) уровень бедности;
- 8) ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- 9) естественный прирост населения;
- 10) количество семей, улучшивших жилищные условия;
- 11) уровень доступности жилья;
- 12) доля городов с благоприятной городской средой;
- 13) качество окружающей среды;
- 14) уровень образования;
- 15) доля соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог регионального значения и автомобильных дорог в городских агломерациях с учетом загруженности².

¹ Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»

² Там же.

В основе новой методики оценки эффективности деятельности глав субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ заложена система КРІ (ключевые показатели деятельности или эффективности).

Данная система оценки эффективности применяется преимущественно в бизнес-секторе и позволяет выявить проблемные «точки». Как подчеркивает С. А. Акопян, «являясь системой показателей, оценивающих степень достижения определенных целей компании, КРІ призваны помочь компании понять, какой из многочисленных бизнес-процессов препятствует достижению общих целей и, соответственно, требует доработки и оптимизации» [9, с. 61]. Российский бизнес обратил внимание на систему КРІ только в начале 2000-х годов. По мнению специалистов, сегодня она до сих пор не прижилась в российских компаниях. В подавляющем большинстве случаев проекты по внедрению КРІ на российских предприятиях и организациях остаются незавершенными [10]. В связи с этим можно было ожидать и ряд трудностей с внедрением данной методики оценки эффективности в систему государственного управления.

В то время как большинство показателей (пункты 2–14 перечня) отражает уровень реализации приоритетных национальных проектов и приоритетных направлений в субъектах РФ¹, показатель 1 «Уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации)» представляет собой социологический индикатор легитимации политико-управленческих решений региональной власти. Бывший в то время министром экономического развития РФ М. С. Орешкин охарактеризовал его как «показатель, который верифицирует остальные четырнадцать» [11]. Таким образом, «социологический» показатель, характеризующий уровень доверия населения главе региона, по замыслу разработчиков системы КРІ для государственного управления, может подтвердить или опровергнуть значения социально-экономических показателей (2–15 показатели Перечня): безработица, жилищные условия, доступность жилья и т. д.

Значимость социологического показателя в системе критериев оценки эффективности деятельности глав регионов предъявляет особые требования к методике его расчета. Любая система оценки, претендующая на то, чтобы понять социальные настроения, должна быть достаточно широкой и гибкой, чтобы охватить индивидуальные мнения людей по различным сферам.

Вместе с тем, в то время как Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 9152 утверждены методики расчета показателей, предусмотренных пунктами 2–15 перечня, методика расчета показателя, характеризующего уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государ-

---

¹Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями)

²Постановление Правительства РФ от 17 июля 2019 г. № 915 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»

ственной власти) субъектов Российской Федерации), не регламентирована. Возможно, это связано с тем, что показатель доверия Президенту РФ и главам субъектов РФ используется и в качестве индикатора оценки эффективности внутриполитических блоков регионов. Для них в 2018 году введены свои показатели KPI [12]. В феврале 2019 года на первом семинаре для вице-губернаторов по внутренней политике было озвучено, что данные по рейтингу доверия Президенту РФ и главам субъектов РФ рассчитываются на основе георейтинга ФОМа – закрытого исследования, которое проводится несколько раз в год [13].

Выводы

В настоящее время в Российской Федерации продолжается поиск методики оценки эффективности органов исполнительной власти регионов. Внедряемые на каждом из современных этапов развития страны методики оценки нацелены на решение широкого круга проблем: от сбора информации о социально-экономической ситуации в конкретных регионах РФ до социальной легитимизации публично-властных решений. Самостоятельная задача связана с разработкой комплексной методики оценки эффективности деятельности глав регионов.

Впервые вопрос персональной ответственности глав субъектов за достижения и промахи поставлен в 2019 году. Новая методика оценки региональной власти посредством системы критериев KPI – это попытка изменить систему оценки, персонализировать её. Введение в перечень социологического показателя с формулировкой «уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации)» придало внедряемой методике KPI политический оттенок. Исходя из выбранной формулировки показателя, его задача – вернуть доверие населения к институтам власти различного уровня, повысить электоральные рейтинги отдельных общественно-политических деятелей и партий, контролировать протестный потенциал субъектов РФ.

Отношение к оценке эффективности региональных органов исполнительной власти в России меняется медленно, сохраняется инерционность мышления. Она по-прежнему остается одним из механизмов государственного управления по решению текущих проблем. Введение социологических показателей в систему оценки стало большим шагом вперед. Вряд ли можно отрицать необходимость в социологической информации, учитывая постоянные изменения в обществе. Однако в данном случае социологические показатели рассматривались разработчиками системы оценки как инструмент контроля, а не как попытка измерить «температуру» социальных настроений в конкретном регионе.

Процесс совершенствования системы оценки эффективности исполнительной власти регионов в России не является завершённым и находится в стадии дальнейшего осмысления.

Ссылки / References

1. Беленова Е. И. Российская политико-административная элита федерального уровня в 1990–2000 гг.: сравнительный анализ // Журнал PRO NUNC: Современные политические процессы. 2012. № 11. С. 48–56.

2. Григорьев Н. А. Современный этап эволюции системы отношений «центр-регионы» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 2. С. 157–165.
3. Головенкин Е. Н. Политическая система современной России: опыт построения вертикали власти // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 174–184.
4. Башмачников А. Вертикаль власти в России: схема, особенности и интересные факты // Информационно-новостное издание SYL.ru: сайт. [2018]. URL: <https://www.syl.ru/article/440309/vertikal-vlasti-v-rossii-shema-osobennosti-i-interesnyie-faktyi> (дата обращения: 23.03.2020)
5. Порядок и процедура назначения губернаторов в РФ в 1995–2012 гг. // РИА-Новости: сайт. [2012]. URL: <https://ria.ru/20120116/540646171.html> (дата обращения: 17.02.2020)
6. Гаман-Голутвина О. В. Проблемы повышения эффективности государственного управления в Российской Федерации // Сравнительная политика. 2011. № 2 (3(5)). С. 50–64.
7. Правительство оценило эффективность исполнительной власти регионов // Гарант.ру: сайт. [2013]. URL: <http://www.garant.ru/news/512189/> (дата обращения: 08.03.2020)
8. Васильева С. В. Социальная легитимация власти как основа консультативной демократии и демократии соучастия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 2–7.
9. Акопян С. А. Разработка и внедрение системы KPI. Управление KPI при помощи оптимизации бизнес-процессов // European science. 2017. № 2 (24). С. 61–67.
10. Вишнякова М. KPI. Внедрение и применение. СПб: Питер, 2019. 384 с.
11. Бутрин Д. Нет ни у кого такой задачи – уволить губернатора // Коммерсант: сайт. [2019]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3960042> (дата обращения: 25.03.2020)
12. Кириенко вводит KPI для внутривластного блока Кремля // Интернет-газета «ЗНАК»: сайт. [2018]. URL: https://www.znak.com/2018-11-27/kirienko_vvodit_kpi_dlya_vnutripoliticheskogo_bloka_kremlya (дата обращения: 12.02.2020)
13. Галимова Н. Кремль выявил лидеров и аутсайдеров среди губернаторов по доверию граждан // РБК: сайт. [2019]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2019/5dc814fa9a79477cd6a9cf1e> (дата обращения: 18.03.2020).

Social concept of gender socialization of girls in the interpretation of Yaroslavl women

E. V. Mikhailova¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-162-175

Research Article
Full text in Russian

Based on the materials of two series of leitmotiv in-depth interviews - with mothers of girls and kindergarten teachers - the article analyzes the content and orientation of the social concept of girls's gender socialization that is relevant for Yaroslavl. The category "social concept of gender socialization" was introduced to distinguish between scientific generalizations of the content of gender socialization and its social interpretation. An analysis of the social concept of gender socialization was carried out according to such substantial components as ideas about the boundaries of socially acceptable and permissible in behavior, the appearance of girls; observations about the direction of games and favorite toys; regulatory views about femininity, qualities necessary for a woman; parental requirements system to girls, differences in the upbringing of girls and boys, qualities that need to be formed in girls. The concept is presented in two temporal perspectives - informants - the study participants talked about their own childhood and how it is now necessary to educate girls. The traditional orientation of the conceptualization of gender socialization by Yaroslavl women has been revealed, according to which girls must first of all instill the qualities of a mother, wife, and mistress. Concluded about the discrepancy between the value-normative aspects of the concept of socialization of girls with the real life practices of their mothers.

Keywords: conceptualization of childhood, gender role, gender socialization, gender contract, femininity

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhailova Elena V. | E-mail: nmev649@mail.ru
Candidate of Sciences in Sociology, associate Professor of political science and sociology

For citation: Mikhailova E. V. Social concept of gender socialization of girls in the interpretation of Yaroslavl women // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 162–175. (in Russ.)

Социальная концепция гендерной социализации девочек в интерпретации ярославских женщин

Е. В. Михайлова¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-162-175
УДК 316.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

На материалах двух серий лейтмотивных глубинных интервью – с матерями девочек и воспитателями детских садов – в статье анализируются содержание и направленность актуальной для г. Ярославля социальной концепции гендерной социализации девочек. Категория «социальная концепция гендерной социализации» введена для разграничения научного обобщения содержания гендерной социализации и его социальной интерпретации. Анализ социальной концепции гендерной социализации производился по таким содержательным составляющим, как представления о границах социально приемлемого и допустимого в поведении, внешнем облике девочек; наблюдения о направленности игр и любимых игрушках; нормативные представления о женственности, качествах, необходимых женщине; система родительских требований к девочкам, различия в воспитании девочек и мальчиков, качества, которые необходимо сформировать в девочках. Концепция представлена в двух временных ракурсах – информанты – участницы исследования говорили о собственном детстве и о том, как сейчас необходимо воспитывать девочек. Выявлена преимущественно традиционная направленность концептуализации гендерной социализации ярославскими женщинами, согласно которой девочкам необходимо прежде всего прививать качества матери, жены, хозяйки. Сделан вывод о расхождении ценностно-нормативных аспектов концепции социализации девочек с реальными жизненными практиками их матерей.

Ключевые слова: концептуализация детства, гендерная роль, гендерная социализация, гендерный контракт, феминность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Михайлова Елена Валерьевна	Email: nmev649@mail.ru
	Кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии

Для цитирования: Михайлова Е. В. Социальная концепция гендерной социализации девочек в интерпретации ярославских женщин // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 162–175.

Введение

Социальное значение и содержание детского периода по-разному осмысливается представителями различных поколений, что позволяет говорить о специфичной концепции детства у каждого поколения [1]; в связи с этим можно предположить, что и гендерные аспекты концептуализации детства будут дифференцированы у разных поколений. Задача данной статьи – проанализировать гендерную составляющую актуальной на сегодняшний день концепции детства в отношении воспитания девочек, рассмотрев ее через категорию «социальная концепция гендерной социализации».

Под гендерной социализацией в социальной психологии и социологии понимается процесс усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с социокультурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе. В ходе гендерной социализации усваиваются сформировавшиеся в культуре представления о том, как следует вести себя мальчику и девочке, юноше и девушке, какими личностными качествами должны обладать мужчины и женщины [2]. Если психологический подход к исследованию гендерной социализации предполагает прежде всего изучение механизмов этого процесса – таких как научение, подражание и т. д., то социологический акцентирует внимание на содержательной сути и факторной обусловленности гендерной социализации: рассматривает, какие гендерно окрашенные роли, нормативные представления и модели поведения транслируются и как они соотносятся с актуальным состоянием общества и тенденциями его развития. Представления о целесообразной направленности и содержании гендерной социализации, складывающиеся в конкретный временной период в конкретном обществе, можно обозначить понятием «социальная концепция гендерной социализации». Аналогичной по содержанию социологической категорией является «модель гендерной социализации», однако она является своего рода идеальным типом, продуктом научного теоретического обобщения в отличие от категории «социальная концепция гендерной социализации», которая строится на представлениях людей.

Все содержательные модели гендерной социализации можно классифицировать на два базовых типа: первый тип представляют «традиционные», или патриархатные модели, второй – либеральные, или партнерские [3]. Эталонной моделью первого типа является модель семьи Н. Белла и Э. Фогеля, построенная на основных положениях структурно-функционального анализа Т. Парсонса [4]. Данная модель предлагает социализировать мальчика как будущего работающего главу семьи, которому необходимы лидерские качества, достигательная мотивация, контроль над эмоциями, рациональность, ответственность. Девочка должна стать идеальной домохозяйкой и хорошей матерью, проявлять эмпатию, тщательно следить за своей внешностью и домом, быть эмоционально вовлеченной в жизнь мужа и детей, создавать в семье благоприятную психологическую атмосферу. Модели второго типа достаточно вариативны [4; 5; 6] – от требований вовсе отказаться от гендерной направленности воспитания и предоставить ребенку время для осознания и свободного выбора пола и гендера до более сглаженных вариантов, проповедующих внимание к индивидуальным потребностям и склонностям каждого ребенка, отказ

от жестких директивных воздействий по принципу «ты же мальчик» или «ты же девочка». Оба подхода к гендерной социализации критикуются: первый – за очевидное несоответствие жизненным реалиям, второй – за деконструкцию социальных норм, отсутствие каких бы то ни было внятных представлений о том, как все-таки следует воспитывать мальчика или девочку.

Исследовательский интерес к гендерным аспектам социализации девочек обусловлен существующим парадоксом: с одной стороны, описывая современное российское общество, демографы и социологи фиксируют кризис современной семьи, фактическую вариативность ее моделей, распространенность индивидуалистических установок у современных россиян, размывание гендерных стереотипов, либерализацию гендерных ролей [7; 8]; с другой стороны, система социальных ожиданий и нормативных представлений россиян о мужественности и женственности, идеальной семье, качествах мужа и жены является поразительно устойчивой и по большей части неизменной в течение всего того периода, когда в СССР и современной России проводились социологические замеры по данной проблематике. Так, от мужчины требуются в первую очередь качества добытчика и защитника, от женщины – быть хорошей матерью и хозяйкой, работа и заработок для женщины, как правило, признаются вторичными, но в целом необходимыми [9]. Такие социальные представления о содержании мужских и женских социальных ролей соотносятся с доминирующими и по сей день гендерными контрактами «кормильца семьи» и «работающей матери». В данной связи представляется важным выяснить, какой подход к воспитанию и социализации девочек практикуется в современных российских условиях сохранения идеала «традиционной» женственности, который становится все труднее реализовать.

Методы

Данная работа сконцентрирована на анализе концептуализации гендерной социализации девочек на примере г. Ярославля. Интерпретацию этой концепции дали жительницы г. Ярославля – матери несовершеннолетних девочек. С ними было проведено 29 лейтмотивных глубинных интервью на тему «Особенности воспитания и социализации девочек», в выборку попали женщины в возрасте от 23 до 49 лет. По аналогичной проблематике были проинтервьюированы также 37 сотрудниц ярославских детских дошкольных учреждений из числа воспитателей, музыкальных руководителей, методистов. Исследование проводилось с октября по декабрь 2019 года.

В качестве базовых элементов концепции гендерной социализации девочек рассматривались:

- границы социально приемлемого и допустимого в поведении, внешнем облике девочек;
- направленность игр и любимые игрушки;
- опыт, умения, навыки, которые передаются девочкам в семье;
- внешность как составляющая самооценки, ролевые модели для подражания и эталоны красоты, комплексы, связанные с внешностью;
- нормативные представления о женственности, качествах, необходимых женщине;

– система родительских требований к девочкам, различия в воспитании девочек и мальчиков, представления о качествах, которые необходимо сформировать в девочках.

Концепция представлена в двух временных ракурсах: информанты – участницы исследования говорили о собственном детстве и о том, как он сейчас воспитывают своих дочерей.

Результаты

Границы социально приемлемого и допустимого в поведении, внешнем облике девочек

Участниц исследования просили вспомнить, при каких обстоятельствах и в связи с чем взрослые говорили им в детстве «ты же девочка». Также просили вспомнить ситуацию, когда они сами увещевали кого-либо фразой «ты же девочка». Упрек или увещевание «ты же девочка» рассматривались как устойчивый элемент социальной аргументации, выстроенный исключительно по принципу принадлежности к женскому полу. И в первом, и во втором случае спектр ответов был практически одинаков и включал в себя проявления неаккуратности, грубость и сквернословие, участие в драках, предпочтение мальчишеской компании и опасных игр, манеру одеваться «как мальчик». *«Фразу «ты же девочка» в детстве я иногда слышала. Чаще всего это было из-за того, что большую часть времени я проводила на улице с мальчишками. С мальчишками мы играли в «войнушку», в стрелялки. У нас были также деревянные пистолеты. Не знаю, почему меня интересовали такие игры... Но мне нравилось это занятие. Поэтому-то мама часто говорила мне: «Вот чем ты занимаешься, что это за игры такие, ты же девочка у меня, а играешь с мальчиками в стрелялки и войнушки!» Была также ситуация, когда мне бабушка сказала: «Ну что же ты такая неаккуратная, ты же девочка, а ведешь себя, как грязнуля». Это было тогда, когда я испачкала свое новое сиреневое платье, подаренное мне бабушкой. Точно не помню, в какой это ситуации произошло, но то, с каким выражением сказала мне это моя бабушка, – это врезалось в память навсегда»* (информант – учитель, 42 года, дочери 16 лет). *«Да, приходилось слышать – «ты же девочка», тебе нельзя драться с мальчиками. Примерно так»* (информант – 41 год, врач, дочери 17 лет). *«Мы росли, и в нашей компании было больше мальчиков, конечно, хотелось подражать. Естественно, мама мне много раз говорила: «Лена, что ты там на велосипеде с ними гоняешь? Ободранные коленки, те же девочка, будь поспокойнее». И вот всегда – «ты же девочка», «ты же девочка»* (информант – 48 лет, медсестра, дочери 11 лет). Интересны и пояснения тех, кто слов «ты же девочка» в детстве не слышал: *«Нет, мне такого никогда не говорили, потому что я всегда была очень аккуратная девочка, всегда следила за своим внешним видом, даже туфли всегда мыла и протирала так, чтобы они блестели»* (информант – бухгалтер, 46 лет, дочери 9 лет).

Как уже отмечалось, контекст увещевания «ты же девочка» в современной ситуации не изменился. *«Я сама говорила эту фразу девочкам в своей группе, когда они гуляли и пачкались на улице»* (информант – 27 лет, воспитатель детского сада). *«Да, говорю такое, когда дети начинают себя плохо вести, баловат, кривляться»*

(информант – 27 лет, воспитатель детского сада, две дочери 8 лет и 1 год). *«Говорила такое дочке, когда она ходила по лужам и грязи, что девочки должны быть чистыми и аккуратными»* (информант – 27 лет, воспитатель детского сада, дочери 3 года).

Некоторые участницы исследования в возрасте 23–30 лет отметили, что их когда-то очень раздражала фраза «ты же девочка» как аргумент взрослых и сейчас они сами никому так не говорят.

В интервью с родителями и воспитателями обсуждался также вопрос о том, какими способами девочка может защитить себя от агрессии и как они сами защищали себя в детстве. У матерей нет единой позиции по данному вопросу, они высказывали полярные мнения. Некоторые говорили о недопустимости драк и установки «дать сдачи». Другие настаивали на том, что в любом случае необходимо «постоять за себя», будь ты мальчик или девочка. *«Если в детстве или в подростковом возрасте Вы сталкивались с агрессией со стороны сверстников, как Вы себя защищали? – В основном я их игнорировала, чтобы им неинтересно было мне что-либо говорить. Иногда я могла и ударить, например, щелбан в лоб, но это только если меня очень сильно доводили, была бойкой. Если не могла больше терпеть, то могла ответить им в жесткой форме, благо язык подвешен был»* (информант – педагог дополнительного образования, 49 лет, дочери 14 лет). *«Ну, когда маленькая была, и подраться конечно могла, всегда отвечала, если меня кто-то обзывал. Да что уж скрывать, я и сама могла кого-нибудь поддеть, задирой была в какой-то степени. Когда стала постарше, ссор старалась избегать, зачем они мне?»* (информант – горничная, 48 лет, младшей дочери 11 лет). *«Бывало, сталкивалась (с агрессией). Переживала. Жаловалась, бывало, но жаловалась подругам скорее. Защищаться – никак не защищалась, убежать могла. Драться я не дралась, не умела. Словами могла ответить только если, уговорами. Иногда старалась переводить в шутку»* (информант – швея, 43 года, дочери 14 лет). *«К дракам я отношусь крайне негативно и считаю, что все вопросы можно решить словами. Учитывая, что я женщина, я в драки никогда не влезала и всегда их остерегалась, даже если возникали накаленные моменты. Я считаю, что человек всегда должен быть адекватен и держать себя в руках, вне зависимости от того, женщина это или мужчина. Я предпочитала стоять в стороне, чем являться потом домой с синяками и царапинами. Ни в каких драках я никогда не участвовала, так как могу защитить себя словесно»* (информант – диспетчер пекарни, 44 года, есть дочь 16 лет). *«Как Вы считаете, может ли девочка драться? – Нет, я считаю, когда девочки дерутся – это выглядит просто отвратительно. Драка вообще отвратительна сама по себе. Когда дерутся мужчины – это еще как-то... Все равно, конечно это плохо воспринимается, но когда дерутся девочки – это просто ужасно»* (информант – неработающая домохозяйка, 48 лет, младшей дочери 13 лет).

Вполне ожидаемо, что информанты-воспитатели оказались единодушны в том, что как девочкам, так и мальчикам нужно защищать себя словесно и не вступать в драку. Вместе с тем дети, по словам воспитателей, демонстрируют самые разные модели взаимодействия с окружающими вне зависимости от пола: *«Некоторые гиперактивные девочки обижают как девочек, так и мальчиков, отбирают у них игрушки или телефон. У многих детей нет никакого барьера для проявления агрессии, часто мальчики впервые слышат в детском саду, что нельзя обижать и тем более бить девочек»* (информант – 43 года, воспитатель детского сада, дочерям 14 и 6 лет).

Направленность игр и любимые игрушки

В качестве собственной любимой игрушки участницы исследования упоминали чаще всего куклу и достаточно часто – мягкую игрушку. И в том, и в другом случае, как правило, называли имя игрушки: «кукла Саша», «тигренок Плоша», «собака Чапа», «бегемот Бо-бо», «пингвин Тятя», что говорит об очеловечивании игрушки, выстраивании с ней личных отношений. Многие рассказывали о настоящем культе, сверхценности красивой куклы в их детстве. *«Также моей любимой игрушкой была кукла, которая говорила «ма-ма». Мне привезла ее из Болгарии двоюродная сестра Лариса. Она была такая большая и так была похожа на живого ребеночка, живую девочку. Как я тогда была счастлива! Просто не передать словами! Она была в красном платье в белую клеточку, в белых носочках и в белых туфельках. У нее еще были длинные темно-коричневые волосы, которые я очень любила заплетать. А также у нее были большие голубые глаза с ресничками, с длинными густыми ресничками. Она была такая мягкая, ручки и ножки у нее сгибались, ну словно живая! Удивительно, что я помню такие мелочи до сих пор! – Скажите, как Вы играли с куклой? – С куколкой обращалась как со своей дочкой: плела ей косички, шила одежду, делала уколы, лечила ее, укладывала спать, поила и кормила из детской пластмассовой посуды»* (информант – учитель, 42 года, дочери 16 лет). *«У меня было несколько немецких кукол в детстве, всегда, сколько себя помню, отличала их от наших, советских. В свободной продаже в магазине здровских кукол не было, их как-то сложным путем доставали. Как-то лет в 6 я принесла в садик немецкую куклу, все девочки стали просить поиграть. Помню, мне жалко было ее кому-то давать, но приятно было, что все обратили внимание, и, наверное, позавидовали. Но больше я ни в садик, ни во двор своих кукол не выносила, очень их берегла, шила на них наряды, делала прически»* (информант – 43 года, муниципальный служащий, дочери 11 лет). Участницы исследования говорят о двух основных ролевых вариантах куклы в их детстве: кукла-ребенок-дочка и кукла – эстетический эталон, модель для подражания (в советский период кукла-невеста, в более поздний – кукла Барби). Эти ролевые модели взаимодействия с куклами позволяют «проиграть» в детском возрасте роль матери, хозяйки, формируют эстетический идеал внешности и практики ухода за собой.

Мамы и воспитатели отмечают, что сейчас девочки меньше любят и ценят кукол, чем они сами в детстве, как правило, не отдают им явного предпочтения среди других игрушек. Большинство участниц исследования констатировали, что любимой игрушкой современных детей вне зависимости от пола без сомнения являются телефон или планшет, позже – компьютер; снижается интерес к предметной игре. *«Девочки сейчас в основном играют в гаджеты и мало играют с игрушками и в другие игры»* (информант – 24 года, мама девочки 3 лет, находится в отпуске по уходу за ребенком). Отмечается интерес девочек к гендерно нейтральным игрушкам (например, конструктор Лего, интерактивные настольные игры, пазлы) и игрушкам, которые воспринимаются скорее как игрушки для мальчиков – роботам, автомобилям, вертолетам с дистанционным управлением и т. д.

Существенно изменились и сами куклы, а также ролевые модели взаимодействия с ними. *«Современные девочки любят тоже играть в куклы, только куклы сейчас другие – монстры, феи, уродцы»* (информант – 43 года, воспитатель детского сада, дочерям 14 и 6 лет). О том, что их дочка любит Барби, упомянули только

две участницы исследования, в качестве более популярных называли кукол серий Монстер Хай, Винкс, Лол, Блайз, принцесс Диснея. Не всем мамам и воспитателям нравится внешний облик этих игрушек: кажутся уродливыми диспропорции размеров частей тела, субкультурная атрибутика и эстетика фильмов ужасов. Информанты сетуют на то, что способы игры с куклами также изменились. *«Современные девочки в саду также играют с куклами, но сейчас они бегают от монстров, изображают мультики или компьютерные игры»* (информант – 43 года, воспитатель детского сада, дочерям 14 и 6 лет). *«В целом замечаю тенденцию покупки серийных игрушек (коллекционных) – каких-либо героев мультфильмов, но игр с этими игрушками нет. Сам факт, что они имеются»* (информант – 26 лет, воспитатель детского сада, дочери 1,5 года). Некоторые воспитатели в контексте игры в куклы отметили, что игра в дочки-матери во многих группах является постановочной – то есть правила и роли этой, казалось бы, самовоспроизводящейся детской игры устанавливают и распределяют воспитатели. Таким образом, кукла-дочка и кукла-модель для подражания занимают в предпочтениях современных девочек далеко не первые позиции, им интереснее примерять на себя при помощи кукол образы многочисленных персонажей виртуального мира – мультфильмов и компьютерных игр.

Участницам исследования задавался также вопрос о любимых коллективных играх их детства и играх современных детей. Вспоминая детство, участницы исследования упоминали как скорее «девчачьи» игры – дочки-матери, магазин, «игра в классики», так и те, в которых мальчики и девочки принимали участие в равной степени – догонялки, вышибалы, казаки-разбойники, прятки, «войнушка» и т. д. Говоря о современных девочках, информанты констатировали, что в целом дети меньше принимают участия в коллективных играх, чем они сами в детстве, поскольку меньше гуляют, сидят дома с телефоном, компьютером и т. д. Наиболее информативными здесь стали интервью с воспитателями детского сада, поскольку распорядок дня в дошкольном учреждении предусматривает коллективные игры как постановочного, так и спонтанного характера (т. е. те, в которые дети играют «сами по себе», игра не организуется воспитателями). Воспитатели отметили, что большая часть игр носит совместный характер – в них в равной степени участвуют и мальчики, и девочки. Подвижные игры – прятки, догонялки, казаки-разбойники – в целом остались теми же, какими были в их собственном детстве. В качестве популярных ролевых спонтанных игр современных девочек-дошкольников воспитатели назвали игру в салон красоты или парикмахерскую, игру «Кухня». Примечательно, что в игре «Кухня» детьми копируются популярные сюжетные телепередачи о ресторанном бизнесе и кулинарии, а не приготовление еды дома – мамой или другими взрослыми. Отвечая на вопрос о том, какие домашние ситуации дошкольники все-таки спонтанно «проигрывают», находясь в детском саду, воспитатели отмечали, что таких разыгрываемых в игре ситуаций вообще мало, поскольку родители проводят с детьми слишком мало времени. Достаточно редко игра воспроизводит диалог родителей с детьми, несколько чаще – жесткие воспитательные моменты, такие как окрики, шлепки. Одна воспитательница припомнила спонтанную коллективную ролевую игру, в которую дети, по ее словам, с удовольствием играют по понедельникам до обеда: *«Вот сколько раз наблюдала, придут в понедельник, рассядутся за столом и что-то как бы разливают, произносят тосты, чокаются и так далее. Долго могут так сидеть. В общем, понятно сразу, у кого*

чем родители в выходные занимаются...» (информант – 38 лет, воспитатель детского сада, есть дочь 14 лет). Общим местом в интервью с воспитателями стало их обвинение современных родителей в том, что задачу воспитания и развития своего ребенка они предпочитают полностью возложить на детский сад и разнообразные центры дополнительного развития. *«Как-то услышала разговор двух мам в раздевалке, одна другой жалуется, что ребенка долго, до трех с половиной лет в детский сад не брали, поэтому, вот, как считает мама, он у них и не разговаривал»* (информант – 32 года, воспитатель детского сада, есть дочь 9 лет).

Опыт, умения, навыки, которые передаются девочкам в семье

Все без исключения информанты говорили, что от своих мам и бабушек переняли навыки уборки и приготовления еды. «Как раз моя мама много внимания уделяла домашнему хозяйству, готовке, уборке. Вот эти навыки я у нее и переняла. Когда я была маленькая, мы с мамой постоянно осваивали новые рецепты. Уборка квартиры – этот навык я тоже, несомненно, переняла у своей мамы, она с детства меня к этому приучала, пыталась этому научить. То есть от мамы я переняла умение вести домашнее хозяйство и умение создавать в доме уют» (информант – диспетчер пекарни, 44 года, есть дочь 16 лет). Многие отмечали, что помимо базовых бытовых навыков научились шить или вязать. Некоторые говорили о целенаправленном формировании художественного вкуса в их семье, который, по мнению большинства информантов, проявляется прежде всего в умении хорошо одеваться. «Ваши родители, бабушки, дедушки каким-то образом прививали Вам хороший вкус? – Родители с детства меня одевали очень хорошо. Я не помню такого, чтобы мне мама что-то купила и мне не понравилось это. Из одежды. Постоянно, если она мне что-то купит. Принесет, спрашивает меня: «Лен, тебе это нравится?» Я говорю: «Да, да». Потому что у моей мамы хороший вкус, начнем с этого. И вот, с годами у меня сформировался свой вкус. Я знаю, что как надеть, чтобы не выглядело сильно вычурно, смешно, тем более нужно это с фигурой как-то подобрать, чтобы не выглядеть нелепо. Я считаю, у меня не очень плохой вкус» (информант – 41 год, врач, дочери 17 лет). Формирование вкуса информанты напрямую связывают с материальным достатком своей родительской семьи, ее потребительскими возможностями: «Целенаправленно это не делалось (формирование вкуса). Этот вкус воспитывался, глядя на их поведение, стиль одежды. Да и про одежду нет смысла говорить. Был дефицит разноцветных тканей, модной то время одежды. Поэтому и вкус был ориентирован на то, что было» (информант – 45 лет, учитель, младшей дочери 10 лет). Единичными были упоминания о том, что родители водили их в детстве в музеи, на концерты, экскурсии.

Информанты говорили, что кулинарные навыки и навыки уборки они пытаются передавать своим дочерям, как и манеру одеваться, собственные представления о хорошем вкусе. Навыки ручного труда, прежде всего шитья, информанты признали излишними и малоактуальными ввиду нынешнего изобилия одежды. Многие отметили, что на попытки привить хороший вкус в одежде их девочки зачастую реагируют обвинениями в отсталости, отсутствии понимания современной моды.

Задавался также вопрос о воспроизводстве внутри семьи практик ухода за собой. Выяснилось, что здесь имеет место скорее «обратная преемственность»: современные девочки-подростки являются наиболее продвинутыми пользователями

beauty-индустрии, и их мамы перенимают у них многочисленные косметические новинки. Если сравнивать процедуры ухода и макияжа «мам» с тем, как ухаживали за собой бабушки современных девочек, они также оказываются более трудоемкими и разнообразными. *«А по сравнению со своей матерью Вы уделяете больше или меньше внимания себе, своей внешности? – Я думаю, что я больше уделяю. Мой отец никогда не разрешал ей краситься, и прочего такого у нее не было. Он считал ее очень красивой женщиной, и это было для него лишним. Она до сих пор не умеет красить губы, а я вот каждый день крашусь. Исключение только выходные дни, когда никуда не идешь»* (информант – 48 лет, психолог, младшей дочери 17 лет). *«Моя мама никогда не красилась, по крайней мере, в период замужества, она считала это не очень важным. Я же уделяю себе гораздо больше внимания, и крашусь, и хожу к косметологам»* (информант – 35 лет, неработающая домохозяйка, дочери 9 лет). *«Конечно, по сравнению со своей мамой я уделяю больше внимания таким моментам, потому что раньше было другое время, то есть когда я была маленькая, индустрия красоты не была так развита, как сейчас, не было ни салонов красоты, ни процедурных кабинетов, где можно корректировать свою внешность. Опять же в советское время одежда была однотипной и похожа друг на друга, а в наше время это все сильно изменилось, появились различные косметические кабинеты, стал более доступен спорт для обычных людей»* (информант – диспетчер пекарни, 44 года, есть дочь 16 лет). *«Мне кажется, в жизни моей мамы не было никаких процедур по уходу, а у меня были и массаж, и физкультура, процедуры для лица, мезороллер»* (информант – 41 год, врач, дочери 17 лет).

Внешность как составляющая самооценки, ролевые модели для подражания и эталоны красоты, комплексы, связанные с внешностью

Содержание глубинных интервью с мамами современных девочек заставляет задуматься о кардинальном сдвиге в восприятии внешности, который они пережили в детстве и в подростковом возрасте. Значение внешних качеств женщины было переоценено, внешность стала предметом соревнования, приложения усилий, целенаправленной работы по улучшению себя, источником комплексов, важнейшей составляющей идентичности женщины. Примечательно, что инициатором такого сдвига вовсе не были родители информантов, он, очевидно, имел социальное происхождение. Информанты отмечали, что их родители относились и к собственной внешности, и к внешности своих детей гораздо проще, она явно не обладала для них статусом сверхценности. *«Скажите, случались ли у Вас в детстве или в подростковом возрасте неприятные переживания, комплексы из-за собственной внешности? – Они и сейчас есть. Это как было, так и осталось все. Внешность – это прямо бич. Это с детства. Не такие ноги, не такие руки, не такие волосы, не такой нос, отсутствие талии, то есть это было, несмотря на то, что мне всегда говорили: «да что ты, да как ты». И это до сих пор есть, хотя я знаю, что выгляжу хорошо. Но оно есть. – А знали родители о таких Ваших комплексах? – Знали. Но почему-то в наше время было не принято говорить о том, что у тебя есть какие-то комплексы во внешности, и другие какие-нибудь комплексы, то есть человек был рожден, чтобы созидать, поднимать, бороться, идти «с красным флагом вперед» независимо от собственных каких-то личных переживаний. Но переживания были и комплексы тоже. – Как реагировали родители на Ваши комплексы? – Реакция родителей была.*

Мама, да и папа тоже, все время говорили, что я преувеличиваю, то есть принижая свои достоинства. Нас не приучали, во всяком случае в моей семье не было такого... Если я и пошла в школу непричесанная, ну и ладно, ничего в этом страшного нет, пошла в колготках, у которых коленки отвисли, ну и ладно, ничего такого. Как-то достаточно спокойно к этому относились. Родители работали день и ночь, поэтому мало замечали это. Но вот, когда я взглянула на свои старые фотографии (где я в подростковом возрасте), я дала себе установку: «Я никогда не буду такой, какая я на фотографии. И никогда не будут такими мои дети». Я не знаю откуда, но чувство вкуса, я думаю, у меня присутствует. Это может быть врожденное или приобретенное, потому что мне всегда нравились французские фильмы, образы французских женщин. Их манера одеваться, чувства вкуса» (информант – бухгалтер, 48 лет, младшей дочери 13 лет).

В качестве эталонных информанты вспоминают образы знаменитых актрис, певиц, никто не назвал эталоном стиля и красоты свою маму. Все подчеркивали, что не стремились никому подражать буквально, но искали ориентиры вне обыденной жизни и своего социального круга – в тех, кого видели в кино или на телевидении.

Про своих дочерей матери говорили, что те беспокоятся и переживают о своей внешности не меньше, чем они сами когда-то. Стандарты красоты и модные элементы внешности нового поколения имеют, по словам информантов, интернет-происхождение. Эстетику Инстаграма и субкультурную атрибутику матери, как правило, критикуют. Вопрос об образцах для подражания у современных девочек-подростков вызывает крайнее раздражение, все они, как говорят матери подростков, усвоили идею собственной уникальности и неповторимости. Матери и дочери, по-видимому, вновь оказались в разных системах эстетических координат, однако и для тех, и для других осознание собственных внешних данных и работа над ними закрепились в качестве важнейшего элемента социализации.

Нормативные представления о женственности, качествах, необходимых женщине

Система социальных требований к современной российской женщине в интерпретации матерей предстает российским вариантом концепции «woman power». Информанты – представительницы различных социальных групп – сделали акцент на самостоятельности и независимости женщины. *«Какие личные качества необходимы современной российской женщине? – Целеустремленность, как в советское время, терпение, умение владеть собой, потому что в наше тяжелое время неумение владеть собой может привести к неприятным последствиям, повернуть женщину «не на ту дорожку». Ведь на женщине и семья, и хозяйство – от этого никуда не уйдешь. Облегчение труда автоматической стиральной машинкой и подачей газа на кухню, например, не спасло женщину, нашу современную женщину от трудностей и семейных, и финансовых. То есть женщине нужно быть терпеливой и, к сожалению, уметь тащить на себе семью»* (информант – бухгалтер, 48 лет, младшей дочери 13 лет). *«Ну, ум, во-первых, и выживать в этом мире. Доброта, естественно, доброта, любить окружающих людей, относиться ко всем с любовью и пониманием. Вот это самое главное. Ты не только женщина, но и человек. Так, что еще сказать? Быть хорошей мамой и женой»* (информант – 48 лет, медсестра, дочери 11 лет).

«Стрессоустойчивостью должна обладать, в первую очередь, современная женщина. Потому что в наше время один стресс... Трудолюбием должна обладать, целеустремленностью. Доброта, конечно же, должна присутствовать» (информант – швея, 43 года, дочери 14 лет). *«Упорство, трудолюбие, без него ничего не добьешься, настойчивость, умение подстраиваться под ситуацию, выдержка, уметь владеть своими чувствами и эмоциями. Нужно всегда надеяться только на себя и ни на кого другого, потому что в жизни могут быть любые ситуации»* (информант – бухгалтер, 46 лет, дочери 9 лет). *«Первое – это уверенность в себе. Второе – пробиваемость. Сама не пробьешься, никто тебе не поможет. Третье – коммуникабельность. Нужно уметь общаться и договариваться с людьми. Ну и, естественно, обаяние»* (информант – индивидуальный предприниматель, 45 лет, дочерям 15 и 8 лет). *«Независимость в первую очередь, красота и целеустремленность»* (информант – продавец, 39 лет, дочери 11 лет).

В ответах воспитателей, напротив, доминируют качества, связанные с реализацией семейной и хозяйственно-бытовой роли женщины, о независимости и самостоятельности упомянули лишь две женщины из 37 в данной категории информантов. *«Современной женщине не хватает какой-то мягкости, женственности, но при этом нужно быть уверенной в своих силах, в любой момент постоять за себя и за свою семью. Уделять больше времени себе, близким. Особенно это касается матерей-одиночек»* (информант – воспитатель детского сада, 45 лет). *«Необходима доброта, любовь к своим детям, желание идти на свою работу, уметь общаться с людьми, стараться их понять и, если есть возможность, помочь»* (информант – воспитатель детского сада, 39 лет).

Система родительских требований к девочкам, различия в воспитании девочек и мальчиков, представления о качествах, которые необходимо сформировать в девочках

Ответы информантов на вопрос о качествах, которые необходимо формировать в современных девочках, по своему содержанию несколько отличаются от того набора качеств, который они перечисляли как необходимые современной россиянке. Здесь обе группы опрошенных давали достаточно последовательные ответы в рамках традиционных представлений об основном предназначении женщины – и семья, и система дошкольного образования ориентированы на формирование у девочек аккуратности, опрятности, хозяйственных навыков. *«Девочки должны больше помогать по хозяйству, прививать им эти навыки, такие как помощь на кухне, уход за своей одеждой, следить за своими вещами, ухаживать за своей внешностью – чтобы выросли хорошими хозяйками»* (информант – воспитатель детского сада, 27 лет). *«Девочкам нужно прививать любовь и заботу о близких»* (информант – воспитатель детского сада, 25 лет). *«Девочек нужно учить быть слабым полом, опрятными, скромными, уважать старших»* (информант – воспитатель детского сада, 39 лет, дочери 15 лет). *«Считаю, что в современных детях нужно воспитывать те же качества, что и в нас с детства воспитывали родители»* (информант – музыкальный руководитель в детском саду, 26 лет). Можно констатировать, что представления воспитателей о том, как именно социализировать современных девочек, последовательны, целостны и внутренне непротиворечивы: без сомнения, их сле-

дует воспитывать как будущих матерей и хозяек, что полностью согласуется с набором социальных требований к современной российской женщине в интерпретации этой категории информантов.

Родители интерпретировали систему требований к современной россиянке как гораздо более разнообразную, она включала в себя и самостоятельность, и качества жены и матери, и умение зарабатывать деньги, и требования к внешности. Тем не менее, говоря о том, какие именно качества они стараются формировать в своих дочерях, матери в большинстве случаев ограничивались упоминанием качеств, необходимых для реализации семейной роли женщины. Возможно, такое несоответствие объяснимо тем, что в актуальном общественном дискурсе, в том числе в СМИ, наиболее внятно проговаривается именно эта сторона женственности. Возможно также, что воспитание хозяйственно-бытовых навыков матери воспринимают как сферу своей личной ответственности, а прочие качества, как ожидается, сформируются адекватно требованиям конкретной жизненной ситуации и социальной среды.

Невозможно не обратить внимания на взаимную комплементарность мужских и женских социальных ролей (женская роль не мыслится без мужской), которая отчетливо проступала во всех интервью – рассуждая о том, как воспитывать девочку, информанты обязательно упоминали о мальчиках без специального наводящего вопроса. *«По моему мнению, девочку необходимо воспитывать в любви и ласке, потому что в дальнейшем она будет дарить эту ласку своим детям. Мальчика же, я считаю, надо воспитывать немного пожестче, потому что мужчина в дальнейшем станет добытчиком, защитником, главой семьи, поэтому с детства он должен приучаться к самостоятельности и ответственности. Женщина должна создавать уют в доме, воспитывать и любить своих детей»* (информант – диспетчер пекарни, 44 года, есть дочь 16 лет). *«Мне кажется, девочку нужно воспитывать, чтобы по дому помогала, готовить учить, учить тому, что сама умеешь, а то как же она, не зная ничего, семью строить будет? Мальчишка должен с отцом много времени проводить, как я думаю. Он рыбалке научится, строительству, машину водить. Должен мужественным расти, сильным, храбрым. Любовь, естественно, нужно дарить и тому, и другому»* (информант – швея, 43 года, дочери 14 лет). *«Девочку надо воспитывать в доброте, ласке, чтобы она чувствовала, что ее любят, мальчика построжее. Девочке нужно прививать качества, которые присущи женщине. Учить заниматься домом, за собой ухаживать, она ведь тоже будет мамой и женой. Нужно учить, как следует себя вести, общаться с людьми. Мальчика нужно воспитывать как опору, чтобы он умел делать что-то руками. Я считаю, что женщина должна беречь семью, сглаживать все, а мужчина должен быть добытчиком и защищать семью»* (информант – бухгалтер, 46 лет, дочери 9 лет).

Выводы

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что актуальная для г. Ярославля социальная концепция гендерной социализации девочек является по своему содержанию и направленности традиционно ориентированной. Несмотря на трудности современной жизни, необходимость сочетать несколько функций и ролей, социум продолжает готовить девочек главным образом к реализации своего женского предназначения – роли матери, жены, хозяйки. Вместе с тем

эта концепция содержит немало противоречий и «белых пятен», наиболее очевидным из которых является противоречие между социальными требованиями к современной россиянке и спроецированной в будущее системой ориентиров воспитания и социализации девочек. Получается, что если современной российской женщине нужны в первую очередь качества, необходимые для выживания, то в будущем женщине почему-то понадобятся совершенно иные качества, произойдет возврат к традиционной женственности. Просьбы пояснить этот парадокс приводили информантов в растерянность и замешательство. Можно предположить, что, поскольку в обществе отсутствует сколь-либо правдоподобная картина будущего и какая-либо иная легитимизированная модель гендерной социализации, кроме традиционной, информанты черпают представления об ориентирах гендерной социализации в мире ценностей – то есть там, где «мужчины мужественны, а женщины – женственны». Нельзя не отметить, что современные девочки как дошкольного, так и более старшего возраста, по наблюдениям информантов, являются совершенно другими, кардинальным образом отличаются от них самих в детстве – они погружены в виртуальную среду, у них иной спектр интересов и взглядов на мир, манера общения, новые эстетические идеалы. Портрет нового поколения скорее противоречит, чем соответствует модели традиционной женственности. В данной связи можно предполагать, что разрыв между ценностно-нормативными аспектами гендерной социализации и тем, как она происходит в реальности, будет расти.

Ссылки / References

1. Михайлова Е. В. Концептуализация детства в жизненных нарративах представителей двух поколений россиян // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Том 5. № 1. С. 52–65.
2. Козлов В. В., Шухова Н. А. Гендерная психология. Учебник для вузов. М., 2010. 288 с.
3. Семенова Л. Э. Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60). С. 143–147.
4. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
5. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М., 2005. 369 с.
6. Введение в гендерные исследования. Ч. 1: учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001, 700 с.
7. Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 601 с.
8. Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 165–176.
9. Гурко Т. А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: ИС РАН, 1998. С. 173–195.

The concept of «love» in the language consciousness of a Junior school student

N. A. Lemyaskina¹

¹Voronezh Institute of education development named after N. F. Bunakov, 54 Berezovaya Roscha str., Voronezh 394043, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-176-185

Research Article
Full text in Russian

One of the aspects of studying and describing the language personality of a Junior school student, and in dynamics from grade 1 to 4, is the cognitive aspect, which includes the study of the language consciousness of a child of this age, including cultural concepts relevant to the child's language picture of the world («conscience», «soul», «happiness», etc.). The article considers the emotional concept of «love», which is among the basic values of the Russian people, affecting the formation of the meaning of human life. The paper offers a brief lexicographic analysis of the word «love» (data from the philosophical, psychological, and explanatory dictionaries). The following is a description of the results of an experiment conducted among students of grades 2-4 of educational organizations in the city of Voronezh. The analysis of the received materials allows us to distinguish the following components of the concept: 1) a sense of self-sacrificing, heartfelt attachment; 2) the person who inspires this feeling; 3) inclination, addiction to something; 4) moral qualities. Based on the data of a directed associative experiment, the image and value component of the concept "love" in the language consciousness of a younger schoolboy are determined, and the age specificity of this concept is revealed. In addition, as part of the research, children were asked to Express their opinions about love in a free form. The article presents the responses of children, which clearly reflect the collective language consciousness.

Keywords: concept, a Junior high school student, love, language awareness, children's language picture of the world

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lemyaskina Natalia A. | E-mail: nlemyaskina@mail.ru
Doctor of Sciences in Philology, Professor, Chief research officer
of the Center for research activities

For citation: Lemyaskina N. A. The concept of «love» in the language consciousness of a Junior school student // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 176–185. (in Russ.)

Концепт «любовь» в языковом сознании младшего школьника

Н. А. Лемяскина¹

¹ Воронежский институт развития образования имени Н. Ф. Бунакова, ул. Берёзовая роща, 54, Воронеж, 394043, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-176-185
УДК 314

Научная статья
Полный текст на русском языке

Аннотация: Одним из аспектов изучения и описания языковой личности младшего школьника, причем в динамике от 1 к 4 классу, является когнитивный аспект, который включает исследование языкового сознания ребенка данного возраста, в том числе культурных концептов, актуальных для детской языковой картины мира («совесть», «душа», «счастье» и пр.). В статье рассматривается эмоциональный концепт «любовь», который входит в число базовых ценностей русского народа, влияющих на формирование смысла жизни человека. В работе предлагается краткий лексикографический анализ слова «любовь» (данные философского, психологического, толкового словарей). Далее дано описание результатов эксперимента, проведенного среди обучающихся 2–4 классов образовательных организаций города Воронежа. Анализ полученных материалов позволяет нам выделить следующие составляющие концепта: 1) чувство самоотверженной, сердечной привязанности; 2) человек, внушающий это чувство; 3) склонность, пристрастие к чему-либо; 4) моральные качества. На основе данных направленного ассоциативного эксперимента определены образная и ценностная составляющая концепта «любовь» в языковом сознании младшего школьника, выявлена возрастная специфика данного концепта. Кроме того, в рамках проводимого исследования детям было предложено в свободной форме высказать свое мнение о любви. В статье приводятся ответы детей, в которых ярко отражается коллективное языковое сознание.

Ключевые слова: концепт, младший школьник, любовь, языковое сознание, детская языковая картина мира

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лемяскина Наталия
Александровна

E-mail: nlemyaskina@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор, главный научный
сотрудник Центра научно-исследовательской деятельности

Для цитирования: Лемяскина Н. А. Концепт «любовь» в языковом сознании младшего школьника // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 176–185.

В статье исследуется эмоциональный концепт «любовь», а именно возрастная специфика концепта в языковом сознании младшего школьника (учащихся 2–4 классов). Актуальность обращения к данному концепту обуславливается, во-первых, необходимостью системного представления особенностей развития языкового сознания младшего школьника в рамках изучения языковой личности ребенка данного возраста, причем в динамике от 1 к 4 классу, во-вторых, неизученностью составляющих культурных концептов (вера, надежда, любовь и др.) в плане того, как эти фрагменты реализуются в детской языковой картине мира.

Эмоциональная сфера – одна из важных составляющих внутреннего мира человека, является объектом ряда исследований, цель которых – описать разнообразие языковых средств репрезентации [1]. В отечественной лингвистике эмоциональные концепты включают в список универсальных, поскольку эмоции делают «представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [2; 3; 4]. Подобные концепты относят к константам культуры. Следует отметить, что культурных концептов не так много, однако духовная культура и языковая картина мира в большой степени может быть представлена этими концептами. Концептами, в которых заложены ценности русской культуры, являются концепты «правда», «истина», «свобода», «воля», «судьба», «вера», «любовь», «совесть», «душа» и др. Культурные концепты – это ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что и определяет их ориентированность на духовность и «личную сферу» человека [5]. Любовь – ключевой концепт русской языковой реальности, входящий в ментальный мир человека, она подчинена законам русской культуры, имеет тесную связь с сердцем, эмоциями [6]. Таким образом, любовь – лингвокультурный эмоциональный концепт, который обладает универсальностью.

Из всех выделяемых к настоящему времени разновидностей концептов как лингвоментальных образований, отмеченных этнокультурной спецификой, возрастной параметр особо значим для «обыденных аналогов» мировоззренческих универсалий, составляющих корпус категорий практической философии [7, с. 617]. Тем более значима возрастная вариативность для таких концептов, как любовь и счастье, составляющих для большинства носителей «обыденного сознания» смысл жизни [8, с. 130].

Вариативность «концептов-универсалий» [9, с. 260] обусловлена различиями в наполнении их периферийной семантики в зависимости от биологических, социальных и этнических характеристик носителей определенной лингвокультуры: пола, возраста, образовательного и имущественного ценза, места жительства (город – деревня), национальной принадлежности [10, с. 81; 11; 12, с. 118], что даёт основания для выделения индивидуальных, групповых и этнических («национальных») [13, с. 268] концептов, из которых последние варьируются уже на межъязыковом и межкультурном уровне.

Как отмечают многие исследователи, лингвокультурный концепт обладает сложной многоярусной структурой, включающей различные семантические составляющие: понятийную, образную, ценностную и пр. [12, с. 103; 14 с. 41; 15, с. 48 и пр.].

Любовь как языковой образ стала привлекать внимание лингвистов относительно недавно. В исследованиях, посвященных языковым репрезентациям этого образа, как и эмоциональной сферы в целом, реализуются самые разные подходы. Ю. Д. Апресян и А. Д. Шмелев рассматривают словарные значения слова «любовь»,

в трудах В. В. Колесова и Ю. С. Степанова осуществляется историко-этимологический подход, семантико-синтаксический и дискурсивный предложен О. Н. Селиверстовой и И. В. Орловой. Другие авторы представляют компаративистский подход: С. Г. Воркачёв сопоставляет образы любви на материале английского и русского языков, Л. Е. Вильмс – немецкого и русского. Следует отметить, что лексико-семантическое поле «любовь» является предметом рассмотрения в лингвокультурологическом, лингвострановедческом, концептуальном, сопоставительном аспектах.

Упомянутые и другие работы позволяют сделать вывод о том, что способы языковой репрезентации эмоций человека (в частности, любви) исследованы достаточно полно и всесторонне, но исследования, специально посвящённые концепту «любовь» в языковом сознании младших школьников как одному из ключевых концептов, характеризующих в детской языковой картине мира внутренний мир человека, универсальные и национально-специфические языковые (семантические) интерпретации, отсутствуют, что позволяет говорить об актуальности выбранной темы.

Этот концепт относится к числу базовых ценностей русских людей [16], в которых выражены убеждения и жизненные принципы, влияющие на формирование смысла жизни человека. Именно это определяет важность изучения концепта «любовь» на этапе реализации Федерального государственного стандарта начального общего образования, так как он ориентирован на «становление личностных характеристик младшего школьника, таких как: любящий свой народ, свой край и свою Родину; уважающий и принимающий ценности семьи и общества...» [17, с. 5]. Стандарт включает требования к результатам, в том числе «к личностным, включающим ценностно-смысловые установки обучающихся, сформированность основ гражданской идентичности, чувства гордости за свою Родину, российский народ и историю России, осознание своей этнической и национальной принадлежности; формирование ценностей многонационального российского общества; становление гуманистических и демократических ценностных ориентаций» [Там же. С. 6].

Однако если ограничиться областью межличностных отношений, то любовь – это прежде всего чувство, в котором как ни в каком другом отражается двойственность человеческой природы: единство и борьба плотского и духовного, биологического и социального начал, разума и инстинкта. Эти начала присутствуют практически во всех философских концепциях любви и фиксируются в лексике многих естественных языков [16, с. 86]. Безусловно, значима возрастная вариативность для таких концептов, как любовь и счастье, составляющих для большинства носителей «обыденного сознания» смысл жизни [Там же С. 130].

Насколько нам известно, семантика возрастных изменений универсалий мировоззренческой направленности у детей исследуемого возраста объектом целенаправленного изучения еще не являлась. Доступным источником информации относительно «онтологической вариативности» концепта «любовь» остается опрос информантов-носителей современного языкового сознания.

Психологический возраст обозначает качественно своеобразную ступень онтогенетического развития, обусловленную закономерностями формирования организма, условиями жизни и воспитания и характеризуемую особыми жизненными задачами, от которых зависит развитие личности в целом и успешность перехода на следующий возрастной этап [Там же С. 131].

Объектом исследования нами определен эмоциональный концепт «любовь», предметом – составляющие концепта в языковом сознании младшего школьника.

Материал для исследования – данные лексикографических изданий (философского, психологического, толковых словарей), а также репрезентация лексических единиц лексико-семантического поля «любовь», отобранных с помощью психолингвистических методов. Специфика выбранного материала потребовала применения описательного, сравнительного и количественного метода, а также метода субъективных дефиниций, метода направленного ассоциативного эксперимента. Именно такие параметры описания были выбраны в качестве оптимальных при работе с концептом. Примененные методы в совокупности позволили описать релевантные черты концепта «любовь» в языковом сознании младшего школьника.

В рамках исследования определены понятийная, образная, ценностная составляющая концепта, выявлена национально-культурная и возрастная специфика исследуемого феномена.

Для определения значения лексемы *любовь* мы обратились к философскому, психологическому, а также к «Большому толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова и «Словарю русского языка» С. И. Ожегова.

По данным философского словаря: «Любовь – чувство устремленности к единению, близости с другим человеком, другими людьми, природой, идеями, идеалами вплоть до желания слиться с ними, раствориться в них, пожертвовать собой во имя объекта своей «любви» [18]. Краткий психологический словарь дает следующее определение: «Любовь основывается на общности интересов людей, их потребностей, целей, ценностей и сопровождается сильными эмоциями, отличающимися постоянством. Кроме того, существует любовь к истине, идеалу, Родине, народу, человечеству, <...> и человек готов отказаться от личного счастья, пожертвовать своей жизнью» [19].

В Большом толковом словаре русского языка даётся определение: Любовь, любви, твор. любовью, ж. 1. только ед. Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. Л. к Родине. // такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости. Братская л. Л. к людям. // такое же чувство, основанное на инстинкте. Материнская л. 2. только ед. такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Несчастливая л. Неразделенная л. Платоническая л. (см. платонический). Чувственная л. Пылать любовью. 3. перен. Человек, внушающий это чувство (разг.). Она была моей первой любовью. 4. только ед. склонность, расположение или влечение к чему-н. Л. к искусству. Л. к работе [20, с. 409].

В словаре Д. Н. Ушакова определены четыре основных ЛСВ лексемы *любовь*. Подобное определение даёт С. И. Ожегов: «Любовь, -ви, тв. -бовью, ж. 1. Чувство самоотверженной, сердечной привязанности. Л. к родине. Материнская л. Горячая л. Взаимная л. Он – моя первая л. (перен.: о человеке). 2. склонность, пристрастие к чему-н. Л. к музыке. Л. к искусству» [21, с. 440].

По мнению исследователя Е. В. Лобковой, в лингвокультурологическом аспекте «любовь по-русски», несмотря на происходящие в сознании современных но-

сителей языка изменения, в основном духовная (при отрицательной оценке телесного), интенсивная, жертвенная. В общем, оценка любви представлена по-разному, но преобладает у русского народа положительная [1, с. 7].

Для выявления признаков концепта «любовь» в языковом сознании младшего школьника проведен опрос учащихся 2–4 классов г. Воронежа («любовь – это ...»). В опросе приняло участие 257 респондентов. Результаты опроса позволяют нам выделить следующие составляющие концепта: 1) чувство самоотверженной, сердечной привязанности; 2) человек, внушающий это чувство; 3) склонность, пристрастие к чему-либо; 4) моральные качества.

Причем первая составляющая включает две части: чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством; чувства к родным, близким (семье). Рассмотрим полученные результаты.

1. Чувство самоотверженной, сердечной привязанности

Чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством: *притяжение; обнимашки, объятия, поцелуи (2 класс – 17 %); когда с первого взгляда тебе понравилась эта девушка; когда человек в кого-то влюблен; два человека понравились друг другу; когда человек смотрит в глаза и всегда думает о нем, и никогда не забывает; это два любящих человека, которые делают всё вместе, и готовы на всё, чтобы не разлучиться; это когда я встречаю свою половинку (3 класс – 23 %); отношения девушки и парня; когда два человека влюбляются друг в друга. У них появляется семья, они доверяют друг другу; замечательное время с тем, кого любишь и с кем хочешь провести всё время жизни; чувство, которое объединяет любимых; когда два человека встречаются и всегда находятся вместе; когда человек встретил женщину, и она ему понравится по-настоящему; чувства между людьми и когда они женятся; когда человек идет за другим, готов отдать за него жизнь; когда ты понимаешь, что ты не можешь от кого-то оторвать взгляд; чувства человека, который очень счастлив; пара и поцелуйчики, и всё взаимно; взаимоотношения, теплота и боль (когда бросают) (рисунки сердечка) (4 класс – 30 %).*

Чувства к родным, близким (семье): *я люблю маму и всех остальных; когда все вместе (2 класс – 4 %); если ты кого-то любишь: маму, папу, бабушку, дедушку; когда я люблю свою семью, родителей; когда я люблю брата, сестру; мама любит папу, мама с папой любят тебя, а тебя любит бабушка, а ты любишь бабушку и дедушку, а дедушка любит тебя, а тебя любит сестра и брат, и ты любишь их тоже любишь, а тебя любит семья (3 класс – 23 %); любишь папу и маму, сестру, брата и тебя тоже любят; любишь родственников; любить бабушку и дедушку, тетю, дядю; первое чувство, когда ты родился, ты сразу полюбил твою маму; первая любовь – это мама. Она заботится, чтобы тебе было лучше. Папа как мама, но он защитник семьи, а семья – это любовь (4 класс – 16 %).*

2. Человек, внушающий это чувство: *мама; самый любимый человек в мире на всем свете!!! (2 класс – 4 %).*

3. Склонность, пристрастие к чему-либо: *люблю кошку, собаку; торт; животных; чудеса, книжки; когда я люблю мороженое; когда тебе ставят 5/5; когда например, торт с орехами не любят, а торт без орехов любят; люблю цветы, учителя, день рождения, новый год (3 класс – 17 %); нравится какой-то предмет, например, нравится шерсть у игрушки, носик, глаза; любовь к животным; любовь бывает*

не только между людьми, но и между человеком и каким-либо предметом (любимая игрушка, чашка и т. д.); ты любишь своих питомцев; человек любит собак; какой-то у тебя любимый предмет (урок); любовь к разным занятиям (4 класс – 13 %).

4. Моральные качества: *ласка; доброта; помощь; не бросать в беде; забота; уважение (2 класс – 75 %); доброта; уважение забота; помощь; благодарность; нежность (3 класс – 37 %); добро; искренняя помощь близким; никогда не бросать любимого; уважение; доверие; взаимопонимание; забота о близком человеке (4 класс – 37 %).*

Единичные ответы: *дарить цветы, конфеты, подарки (3 класс); это химический элемент, который заставляет размножаться всё живое; забота Бога (4 класс).*

Таким образом, для учащихся 2 класса в приоритете составляющая «моральные качества» (75 %), для учащихся 3–4 класса – «чувство самоотверженной, сердечной привязанности», причем первая ее часть (3 класс – 23 %, 4 класс – 30 %), на втором месте составляющая «моральные качества» (3 класс – 17 %, 4 класс – 13 %).

Дети дают положительную оценку, определяя ценностную составляющую концепта: *Любовь может сделать невозможное!!! Это ценность; любви много не бывает; любовь золотом не купишь; любовь нужно хранить; сердце должно быть наполненным любовью; я хочу, чтоб все любили друг друга; самая высокая любовь к нам идет от Иисуса Христа; Господь сама любовь; Бога тоже надо любить, и сердце любовью заполнится (2 класс); любовь для меня – это очень, очень, очень сильное и глубокое чувство. Она настолько сильная и глубокая, как самый большой в мире айсберг на планете! Любовь – это сердце навсегда (рисунок сердца) (3 класс); любовь дает радость (4 класс).*

Как показывают отмеченные в материале респондентами ассоциативные образы и символы любви и влюбленных, они являются общими для людей разного возраста и разных народов (сердце).

Наше исследование также имело целью выявить признаки концепта, актуальные для современных младших школьников. Нами был проведен опрос учащихся 2–4 классов (198 человек) образовательных организаций г. Воронежа «любовь – какая...».

Информанты наделяют любовь признаками одушевленного существа: *добрая (2 класс – 19 %, 3 класс – 14 %, 4 класс – 19 %), нежная (2 класс – 10 %, 3 класс – 5 %, 4 класс – 19 %), милая (2 класс – 10 %, 4 класс – 23 %), ласковая (2 класс – 8 %, 4 класс – 8 %), сильная, умная, мудрая, верная, искренняя, добродушная, скромная, счастливая, сексуальная.*

Можно отметить несколько общих высокочастотных ассоциаций: *большая, добрая, красивая, крепкая, верная.* При характеристике любви преобладают положительные коннотации: *прекрасная, изумительная, неотразимая, милосердная, безграничная, романтическая, великолепная, бескорыстная, неопикуемая, очаровательная, чудесная, волшебная, вечная,* хотя имеются и негативные эмоциональные реакции: *разбитая, ненастоящая, короткая, грустная.* Таким образом, дети отмечают, что любовь дает людям не только счастье и радость, но и приносит страдания, что совпадает с мнениями взрослых [22]. Кроме того, составляющие концепта включают в себя полярные мнения: *природа любви духовная (любовь к Родине; Бога тоже надо любить) / физиологическая (чувства*

между людьми, когда они женятся); любовь как естественное чувство (первое чувство, когда ты родился, ты сразу полюбил твою маму) / неестественное (когда человек идет за другим, готов отдать за него жизнь); уникально (безграничная) / повторимо (взаимоотношения, теплота и боль (когда бросают)); любовь вечна (Любовь – это сердце навсегда) и конечна (короткая).

Кроме того, в рамках исследования учащимся 3–4 класса было предложено в свободной форме высказать свое мнение о любви. Приведем некоторые ответы детей.

Любовь разная: кто-то любит книги, кто-то маму-папу, кто-то землю, а кто-то и весь мир. Не бывает людей, которые что-то не любят. Все что-то любят! (Алиса, 2 класс)

Любовь – это счастье, доброта, жизнь. Любовь – это сердечко, наполненное любовью. С любовью мы живем. Мы любим всё, что нам нравится и что мы чувствуем дорогим для нас. Например, учительница, мама, родина, столица, дом, в котором мы живем, все родные, друзья. Любовь – это согласие, счастье, чувство. Я люблю всё! (Эльвира, 3 класс)

Любовь – это когда можно кому-нибудь помочь: животным в приютах, детям в детских домах. Любовь – это когда можно помочь маме (на кухне), папе в гараже, бабушке донести сумку до дома, перевести дедушку через дорогу... после этого, если ты заболел, тебе отплатят тем же. Любовь – это когда можно сохранить утку, щуку, бабочку, медведя, мышку, чтобы это вид не исчез как динозавры, а остался навсегда. Любовь – это когда делать плохого не надо. Не надо рубить деревья, чтобы наш мир не остался пустым. Вот такая это любовь!!! (Руслан, 3 класс)

Однажды я приехала к бабушке, у неё была собака. Когда первый день прошел, я легла спать. На следующее утро я пошла к собаке и увидела её не одну, она была со щенком. Я взяла его в руки и почувствовала, что такое любовь! Это чувство прекрасно! Любовь может быть к матери, к Родине, это чувство повсюду! Я люблю всё, что меня окружает! (Диана, 3 класс)

Любовь – это то, что в человеке есть с самого детства. Есть любовь искренняя, а есть лживая. Лживая любовь приходит с возрастом. А настоящая с самовыражением. Доброта и любовь – это самое главное! (Артем, 4 класс)

Любовь. Интересное слово. Каждый человек понимает его по-своему. Как выражают любовь? По-разному: словами, поступками, подарками или кто-то держит её в себе. Это может быть любовь к Родине, любовь к маме и папе, к любимому человеку, который всегда рядом. Люди любят каждый по-своему. Не бывает так, чтобы какое-то существо осталось без любимого им человека! (Вероника, 4 класс)

Это когда кто-то кого-то или что-то любит. Но никто не должен любить на словах! Нужно совершать дела или поступки, которые подтверждают любовь того человека. (Кирилл, 4 класс)

Это то, что нам дают родные и близкие, это дают нам тогда, когда человек ещё ребенок. Младенца любят, любят подростков, любят взрослых людей. Есть детская любовь – детям как бы дают её, а дети также учатся её давать. Есть взрослая любовь – это когда находишь человека с похожими качествами, с похожими любимыми вещами и так далее. Есть несколько типов любви: любовь с первого взгляда, есть, когда при стечении обстоятельств, бывает, помог в чем-то человеку, а потом

встретил его. Любовь – многогранная вещь, которую не всегда можно почувствовать в душе. (Вадим, 4 класс)

Любовь я воспринимаю, когда человек очень тебя обожает, хочет поскорее встретиться, но не может, потому что он может от тебя далеко жить. Поэтому он может позвонить по видеосвязи. И он может тебя пригласить куда-нибудь погулять. А если начнётся дождь, то можно просто по телефону поговорить (Дарья, 4 класс)

Я очень люблю своих родителей. Я очень люблю одну девочку. Я дружу с Кириллом. Мой любимый питомец – это моя кошка Зина. Всё!!!

Но не всё. Я очень люблю держать винтовку Мосина и ППШ. Я люблю пирожное, мороженое, пирог, конфету. Я люблю много чего! (Максим, 3 класс).

Таким образом, концепт «любовь», наряду с концептами «совесть», «душа» [23] является важнейшей составляющей языковой картины мира младшего школьника. Исследование демонстрирует возрастную и национальную специфику изучаемого феномена. В ответах детей достаточно полно отразилось коллективное языковое сознание, однако имеется такая составляющая концепта, как «моральные качества», что является возрастной особенностью концепта «любовь», присущей детям данного возраста.

Ссылки / References

1. Лобкова Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 19 с.
2. Можейко М. А. Любовь // Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 383–397.
3. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2000. 247 с.
4. Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: Сборник научных трудов. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 80–96.
5. Воркачѳв С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология / под ред. проф. О. А. Леонтович. Волгоград, 2003. С. 189–207.
6. Нагапетян К. Ж. Основополагающее значение концепта «любовь» в русской культуре // Молодой ученый. 2016. № 20 (124). С. 837–839. URL: <https://moluch.ru/archive/124/34208/> (дата обращения: 09.04.2020).
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
8. Воркачѳв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. 142 с.
9. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 391 с.
10. Гольдин В. Е. Проблема варьирования культурных концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 80–86.

11. Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 20 с.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 447 с.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с.
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. Языки русской культуры, 1997. 824 с.
15. Воркачѳв С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // ИАН СЛЯ. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
16. Воркачѳв С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт М.: Гнозис, 2007. 285 с.
17. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2018. 52 с.
18. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
19. Психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 494 с.
20. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аст: Астрель, 2008. 1268 с.
21. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс», 2008. 1328 с.
22. Яськова А. В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 237–245.
23. Лемяскина Н. А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника // Вестник ВГУ, серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. Воронеж: ВГУ, С. 94–96.

Peculiarities of the Perception of the Lexemes of the Semantic Group «Internal human organs» by Ordinary and Professional Linguistic Consciousness (based on the material of the lexeme heart)

M. V. Shamanova¹, M. V. Vinogradova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-186-195

Research Article
Full text in Russian

There is psycholinguistic description of the lexeme heart as a component of the semantic group «Internal human organs» is providing in this article. The associative fields of the lexeme heart were formed on the basis of a free associative experiment. This associative experiment was conducted in two groups of respondents: the doctors, the group of students of a medical university, and students of the humanitarian faculties, who doesn't have medical education. The specificities of the psycholinguistic significance were detected this lexeme in ordinary and professional language consciousness when associative fields, their core and periphery were comparing. The psycholinguistic significance of this lexeme in the two groups is different. The basic meanings, peripheral fields do not match. People who work in medical sphere gave the larger terminological medical vocabulary. It shows the professional awareness of this lexeme by specialists. Psycholinguistic meanings are compared with a generalized lexicographic description. The lexicographic meaning of the lexeme of the heart is wider than the psycholinguistic meaning during the approaches of convergence of the core of the semanthem in the vocabulary descriptions and the results of the experiment. The conclusion was made on the data about the features of the awareness of the lexeme of heart by ordinary and professional language consciousness.

Keywords: linguistic consciousness, free associative experiment, medical vocabulary, semantics, psycholinguistic meaning of the word, lexicographic meaning of the word

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shamanova Marina V. | E-mail: mshamanova@mail.ru
(correspondence author) | Doctor of Sciences in Philology, associate Professor, head of the Department of General and applied Philology

Vinogradova Maria V. | E-mail: marivinogradova@mail.ru

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-011.

For citation: Shamanova M. V., Vinogradova M. V. Peculiarities of the Perception of the Lexemes of the Semantic Group «Internal human organs» by Ordinary and Professional Linguistic Consciousness (based on the material of the lexeme heart) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 186–195. (in Russ.)

Особенности восприятия лексем семантической группы «Внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы *сердце*)

М. В. Шаманова¹, М. В. Виноградова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-186-195
УДК 811.161.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлено психолингвистическое описание лексемы *сердце* как компонента семантической группы «Внутренние органы человека». На базе данных свободного ассоциативного эксперимента сформированы ассоциативные поля лексемы *сердце* в двух группах испытуемых: специалистов-медиков, а также студентов медицинского вуза, и студентов гуманитарных факультетов, не имеющих отношения к медицинскому образованию. При сопоставлении полученных ассоциативных полей, их ядра и периферии, психолингвистического значения были выявлены особенности осмысления данной лексемы обыденным и профессиональным языковым сознанием. Показано, что психолингвистическое значение анализируемой лексемы в двух группах испытуемых не совпадает: различными оказались ядерные значения, состав периферийных значений, терминологическая лексика в большем объеме представлена в качестве реакций в ассоциативном поле медиков, что свидетельствует о профессиональном освоении данной лексемы специалистами. Психолингвистические значения сопоставлены с обобщенным лексикографическим описанием. Выявлено, что лексикографическое значение лексемы *сердце* оказалось шире психолингвистического при совпадении ядра семантемы в словарных описаниях и результатах эксперимента. На основе полученных данных сделаны выводы об особенностях освоения лексемы обыденным и профессиональным языковым сознанием.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, медицинская лексика, семантика, психолингвистическое значение слова, лексикографическое значение слова

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаманова Марина Владимировна | E-mail: mshamanova@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и прикладной филологии

Виноградова Мария Вадимовна | Email: marivinogradova@mail.ru

Финансирование: ЯрГУ, инициативная НИР № ВИП-011.

Для цитирования: Шаманова М. В., Виноградова М. В. Особенности восприятия лексем семантической группы «Внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы *сердце*) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 186–195.

Целью данной статьи является психолингвистическое описание лексемы *сердце* в обыденном и профессиональном языковом сознании и сопоставление его с лексикографическим описанием.

Данная лексема, наряду с другими лексемами – *мозг, печень, легкие* и др., является частью семантической группы «Внутренние органы человека», которая, в свою очередь, входит в состав медицинской лексики русского языка.

Медицинская лексика в настоящее время активно используется не только в научной литературе, но и в СМИ, разговорной речи. В языкознании данный семантический разряд исследуется в различных аспектах: «комплексное системно-функциональное описание структурно-семантических и семиотических свойств МЛ, проявляющихся в закономерностях ее функционирования, определение основных тенденций развития МЛ» [1], как терминосистема, функционирующая в научных медицинских текстах [2] и в художественной литературе [3], терминосистемы отдельных областей медицинской науки [4; 5; 6; 7], метафорическое использование лексики семантической сферы «Медицина» в текстах СМИ и разговорной речи [8] и т. п.

Как справедливо отмечает Г. А. Абрамова, никакая другая наука не проникает существенными представлениями и понятиями в повседневную жизнь людей в такой степени, как медицина [1].

Для изучения восприятия языковым сознанием – обыденным и профессиональным – нами были отобраны лексемы, функционирующие в русском литературном языке в различных стилях и жанрах, являющиеся нейтральными и общеупотребительными, но в то же время тесно связанные с медицинской лексикой, в частности лексема *сердце*.

В современной лингвистике существует необходимость разграничения двух типов значений: это значение, которое представлено в толковом словаре, и значение, существующее в сознании носителя языка. Значение слова, представленное в словаре, строится «в соответствии с принципом редукционизма, т. е. минимизации признаков, включаемых в значение», «лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков» [9, с. 57]. И. Г. Овчинникова следующим образом разграничивает лексикографическое и психолингвистическое значения: «Под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» [10, с. 261]. В связи с этим представляется интересным обратиться к психолингвистическому значению слова. По результатам свободного ассоциативного эксперимента психолингвистическое значение слова наиболее точно отражает языковую картину сознания носителя языка. Это дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность.

Для определения психолингвистического значения лексемы *сердце* нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Испытуемым предлагалось следующее задание:

«Прочитайте предложенный список слов и около каждого напишите первое слово, которое придет в голову.

Мозг –

Печень –

Сердце –
Легкие –
Почки –
Желудок –

Укажите, пожалуйста, свои данные: пол: ____, возраст ____.»

Для студентов мы просили указывать дополнительные данные: вуз, курс, факультет.

В эксперименте приняли участие 210 человек. Среди них – люди, которые по роду своей деятельности связаны с медициной, работают в медицинской сфере, обучаются в медицинских вузах (105 испытуемых). Остальные – студенты гуманитарных факультетов, испытуемые, которые не связаны с медициной и никогда не работали в данной сфере (105 испытуемых).

По результатам эксперимента были составлены ассоциативные поля лексем *сердце* в непрофессиональном и профессиональном языковом сознании.

Ассоциативное поле лексемы «сердце» в обыденном языковом сознании

СЕРДЦЕ 105 – любовь 20, подруга 10, боль, чувство 9, душа, мотор 7, бьется, насос 6, ритм 4, горячее, красное, кулак, мышца 3, жизнь, рисунок, стук 2, аритмия, артерии, грудная клетка, дума, камень, капилляр, кровоток, орган, сосуды 1.

Всего 105 реакций, из них различных – 25. Отказов нет.

Для формулирования психолингвистического значения лексемы *сердце* сходные семы были нами обобщены, и данное значение сформулировано как связное перечисление обобщенных семантических компонентов.

СЕРДЦЕ

1. Чувства человека 9, его душа 7, способность любить 30, испытывать боль 9. Всего 55 реакций.

2. Мышечный 3 орган 1, размером с кулак 3 красного цвета 3 в грудной клетке 1, который бьется 6 в определенном ритме 4, стучит 2, работает как мотор 7, насос 6, обеспечивает кровоток 4, дает жизнь 2, нарушение работы которого приводит к аритмии 1, вызывает боль 9. Всего 52 реакции.

3. Душевные качества, характер человека 3. *Горячее сердце*. Всего 3 реакции.

4. Рисунок 2. Всего 2 реакции.

Были выявлены реакции, которые не могут быть интерпретированы однозначно и требуют уточнения при проведении других экспериментов или верификации результатов проведенного свободного ассоциативного эксперимента: *дума 1, камень 1*.

Ассоциативное поле лексемы «сердце» в профессиональном языковом сознании

СЕРДЦЕ 105 – любовь 21, жизнь 12, кровь 11, мотор 9, инфаркт 8, кровообращение, насос 5, душа, экг 3, биение, клапан, чувство 2, артериальная гипертензия, бычьё, бьется, главный орган живого организма, давление, дилатация, еда, капча,

коронарные артерии, лево, легкие, механизм, мышца, работа, ранение, ритм, сосуд, стол, собака, трудяга, частота сердечных сокращений, человек 1.

Всего 105 реакций, из них различных – 34. Отказов нет.

Для формулирования психолингвистического значения лексемы *сердце* сходные семы были нами обобщены, и данное значение сформулировано как связное перечисление обобщенных семантических компонентов.

СЕРДЦЕ

1. Главный мышечный 1 орган 1 живого организма 3, который бьется 3, работает 2 в определенном ритме 2, нагнетает кровь 11 через клапаны 2 и обеспечивает кровообращение 5 по сосудам 2, работает как мотор 9, насос 5, механизм 1, дает жизнь 12, нарушение работы которого может быть вызвано ранением 1, приводит к инфаркту 8, артериальной гипертензии 2, дилатации 1. Расположен между легкими 1, смещен влево 1. Методом обследования работы сердца является ЭКГ 3. Всего 76 реакций.

2. Чувства 2 человека 1, его душа 3, способность любить 21. Всего 27 реакций.

3. Еда 1, приготовленная из этого органа некоторых животных 1. Всего 2 реакции.

4. Рисунок 1. Всего 1 реакция.

Неинтерпретируемая реакция – *стол* 1.

Сравним освоение лексемы *сердце* в обыденном и профессиональном языковом сознании.

Сопоставление ассоциативных полей двух групп испытуемых показывает следующее. Ядерная реакция в двух ассоциативных полях совпадает: *любовь* 21. На втором месте у испытуемых, не имеющих медицинского образования, располагается реакция *подруга* 10, а у медиков – *жизнь* 12, что демонстрирует особенности восприятия лексемы специалистами и неспециалистами. Кроме того, особенности освоения данной лексемы, на наш взгляд, выражаются в реакциях, данных исключительно испытуемыми одной группы (сходные семантические реакции были обобщены). Так, испытуемыми с немедицинским образованием были даны реакции: *подруга* 10, *боль* 9, *горячее* 3, *красное* 3, *кулак* 3, *стук* 2, *аритмия* 1, *артерии* 1, *грудная клетка* 1, *камень* 1, *капилляр* 1. Среди несовпадающих реакций у неспециалистов преобладают «немедицинские» реакции, из терминов в качестве единичных реакций встречаются четыре: *аритмия*, *артерии*, *грудная клетка*, *капилляр*. Исключительно медицинскими работниками или студентами, получающими медицинское образование, были даны следующие реакции: *кровь* 11, *инфаркт* 8, *экг* 3, *клапан* 2, *артериальная гипертензия* 1, *бычье* 1, *давление* 1, *дилатация* 1, *еда* 1, *коронарные артерии* 1, *лево* 1, *легкие* 1, *механизм* 1, *работа* 1, *ранение* 1, *собака* 1, *трудяга* 1, *частота сердечных сокращений* 1, *человек* 1. Реакции специалистов носят более дифференцированный характер. Высокий индекс яркости имеют реакции, непосредственно связанные с медициной (*кровь* 11, *инфаркт* 8), 53 % реакций, данных исключительно медиками, относятся к терминологической лексике: *инфаркт*, *ЭКГ*, *клапан*, *частота сердечных сокращений* и др. Интересен тот факт, что метафорические реакции в двух группах испытуемых совпадают: *мотор* (индекс яркости 7 у неспециалистов и 9 у специалистов), *насос* (индекс яркости 6 и 5 соответственно).

Психолингвистические значения не совпадают в двух группах испытуемых. Различными по яркости являются ядерные значения. В обыденном языковом сознании первым в структуре семантемы выступает значение 'чувства человека', хотя разрыв между первым и вторым значением – 'орган кровообращения' – небольшой (3 реакции). В профессиональном языковом сознании ядерным значением с индексом яркости, намного превышающим последующие, является значение 'главный орган кровообращения живого организма' (индекс яркости 76; ср.: значение 'чувства человека' имеет индекс яркости 27). Третье значение, имеющее низкий индекс яркости, не совпадает в группах испытуемых: 'душевные качества, характер человека' в обыденном языковом сознании и 'еда' в профессиональном языковом сознании. И последнее, четвертое значение, представлено единичными реакциями у специалистов и неспециалистов.

Таким образом, можно говорить о различном восприятии языковым сознанием специалистов и неспециалистов лексемы *сердце*.

С целью сопоставления психолингвистического и лексикографического значения нами было составлено обобщенное лексикографическое описание лексемы *сердце* на основе ряда словарей. Словарные дефиниции различных словарей могут существенно отличаться друг от друга. Для наиболее полного лексикографического описания значения слова исследователи используют принцип дополнительности словарных дефиниций, который заключается в том, что «каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга» [цит. по: 11, с. 5]. Методика обобщения словарных дефиниций изложена в [12, с. 19–21; 13; 14].

Нами были использованы следующие основные этапы алгоритма обобщения словарных дефиниций: 1) выписываются значения исследуемого слова из всех доступных словарей; 2) составляется единый список всех значений исследуемого слова, зафиксированных в разных словарях; 3) «уточняется полученный на предыдущем этапе список значений исследуемого слова по денотативному принципу: если слово номинирует некий денотат, отличный от других денотатов, фиксируется отдельное значение»; 4) анализируются примеры, приводимые в дефинициях словарных статей разных словарей, на основе иллюстративного материала уточняются имеющиеся и выявляются новые значения; 5) «формулируется обобщающая дефиниция значения исследуемой единицы в виде расширенного набора сем с учетом всех семантических компонентов и лексикографических помет, выделенных несовпадающими дефинициями разных словарей» [11, с. 13–16].

Для обобщенного словарного описания лексемы *сердце* нами были использованы толковые словари второй половины–конца XX века и новейшего периода [15; 16; 17; 18].

В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [15] дается следующее определение лексемы *сердце* (иллюстративный материал приведен в сокращении, не приведены грамматические пометы).

СЕРДЦЕ 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. *Он слушает во всех местах грудь и говорит, что дыхание решительно чистое, что биение сердца весьма правильное.* Чернышевский, Дневник моих отношений с тою, которая теперь состав-

ляет мое счастье. || Место на левой стороне груди, где находится этот орган. *Прижать руки к сердцу*. 2. Этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека. *Сердце радуется*. || Этот орган как символ отзывчивости, доброты. – *У вас не хватит сердца, если вы начнете жалеть всех нас*. М. Горький, *Мать*. || Этот орган как символ любовных чувств, любовной привязанности, склонности. *Отдать свое сердце кому-л.* 3. перен. Душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства. *Сердце, как и ум, требует развития*. И. Гончаров, *Воспоминания*. || с определением. Душевные качества, характер человека. – *У меня, должно быть, сердце черствое*. Тургенев, *Новь*. || с определением. Человек как носитель определенных душевных качеств, характера. *Оно было с ним, походное братство, верность простых сердец, дружба которых не нарушится вовеки*. Саянов, *Небо и земля*. 4. перен. Разг. Гнев, раздражение. – *Молчи, баба! – с сердцем сказал Данило*. – *С вами кто свяжется, сам станет бабой*. Гоголь, *Страшная месть*. 5. перен. Центр, главная часть чего-л. *Середину площадки, самое видное место, занимала постройка насосной станции – сердце всего нефтепровода*. Ажаев, *Далеко от Москвы*.

В словаре С. И. Ожегова [16] приведено меньшее количество значений, не указываются «оттенки значений»:

СЕРДЦЕ 1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости). *С. бьется. Порок сердца*. 2. перен. Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений. *Доброе, чуткое, отзывчивое с*. 3. перен. Важнейшее место чего-н., средоточие. *Москва – с. нашей Родины*. 4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного. *С., пронзенное стрелой*.

Объем семантемы в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [17] значительно расширен:

СЕРДЦЕ 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости. *Здоровое, больное с. у кого-л. Молодое с. Учащённый ритм сердца. Ангина даёт осложнение на с. В с. прослушиваются шумы. Порок сердца.* // Место на левой стороне груди, где находится этот орган. *Выстрелить, попасть в с. Хвататься за с.* / Символ отзывчивости, доброты. *Нет у тебя сердца. Сердца не хватит жалеть всех.* / Символ любовной привязанности, склонности. *Растревожил ты мне с. своим появлением! Покорить чьё-л. с.* 2. Такой орган некоторых животных. *Говяжье, свиное с. Отварное с.* 3. Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа). *Трогать, потрясать, зажигать с. зрителей. Надрывать чьё-л. с.* 4. (с опр.). Душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером). *Верное, преданное, доброе, чёрствое, отважное, трусливое с.* 5. Разг. Гнев, раздражение, злоба. *Ругнуться в сердцах* (в таком состоянии). *Держать с. на кого-л.* 6. Центр, главная часть чего-л. *С. города. Проникнуть в сердце неприятельского тыла.*

В «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина [18] дается следующее толкование (знак ● указывает на пассивный лексико-семантический вариант слова):

СЕРДЦЕ 1.0. Центральный орган кровообращения у человека и животных в виде мускульного мешка с несколькими полостями (камерами), находящегося в грудной клетке (у человека – слева). Здоровое **сердце**. ●1.0.1. разг. Боль в этом

органе, а тжж. болезнь этого органа. *Лекарство от сердца*. ● 1.1. Этот орган некоторых животных как продукт питания, а тжж. кушанье из него. *Отварное с*. 1.2. Место на левой стороне груди человека, где располагается этот орган. Метить **в сердце**. 2.0. Этот орган, понимаемый как средоточие душевных качеств, черт, характеризующих личность человека, его характер. *Син.* душа. Доброе **сердце**. ● 2.1. Этот орган, понимаемый как источник доброты, отзывчивости. *У тебя нет сердца*. ● 2.2. Этот орган как источник и средоточие любовных чувств, переживаний. *Отдать кому-л. свое с*. ● 2.3. *с определением*. Человек как носитель каких-л. качеств, черт характера. *Чистое с., она все приняла на веру*. 3.0. Этот орган как средоточие чувств, настроений, переживаний человека, как символ его внутреннего мира. *Син.* душа. Человеческое **сердце**. ● 4.0. Символическое изображение этого органа (прежде всего как знака любовных чувств) в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного вверху и заостренного внизу. *Кулон в виде сердца*. ● 5.0. *перен.* Гнев, раздражение (связано с тем, что сердце в древности считалосьместилищем гнева). *Унять с*. ● 6.0. *перен.* Центр, главная часть чего-л. *Москва – с. России*.

Таким образом, во всех проанализированных словарях представлено разное количество семем в семантеме слова *сердце*. В соответствии с указанной выше методикой было сформулировано обобщенное лексикографическое описание лексем *сердце*.

СЕРДЦЕ 1. Центральный орган кровообращения у человека и животных в виде мускульного мешка с несколькими полостями (камерами), находящийся у человека в левой стороне грудной полости. *Пациент жалуется на боли в сердце*. **2. перен.** Этот орган как символ души, чувств, переживаний, настроений человека (символ отзывчивости, доброты, любовных чувств и т. п.), внутренний мир человека. *Сердце у него нежное, детское*. **3.** Место в левой стороне груди, где находится этот орган. *Схватиться за сердце*. ● **4.** Такой орган некоторых животных как продукт питания, а также кушанье из него. *Приготовить говяжье сердце на ужин*. **5. перен. (с опр.)** Душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером). *Эта история тронула мое сердце*. ● **6. перен.** Разг. Гнев, раздражение, злоба. ● **7. перен.** Важнейшее место, имеющее существенное значение для чего-н., средоточие чего-н. *Этот центр управления – сердце всей системы*. ● **8.** Символическое изображение органа (прежде всего как знака любовных чувств) в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного. *С., пронзенное стрелой*.

Сопоставление психолингвистических значений в двух группах испытуемых и обобщенного лексикографического описания показало, что эти значения не совпадают. Лексикографическое описание значительно шире психолингвистического. При обобщенном словарном описании многозначное слово *сердце* включает 8 значений, психолингвистическое значение данной лексемы в обыденном и профессиональном языковом сознании включает 4 значения, два из которых представлены единичными реакциями. Следует отметить, что в «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В. В. Морковкина лексико-семантический вариант 'орган как источник и средоточие любовных чувств, переживаний' является пассивным [18], что не подтверждается экспериментальными данными (ср. реакции *способность любить 30* в обыденном языковом сознании и *любовь 21* у медиков), поэтому обобщенное второе лексикографическое значение, на наш взгляд, составляет ядро семантемы *сердце*. Таким образом, ядерные значения в семантеме слова

при лексикографическом описании подтверждаются психолингвистическим описанием: 1. Центральный орган кровообращения у человека и животных в виде мускульного мешка с несколькими полостями (камерами), находящийся у человека в левой стороне грудной полости. 2. *перен.* Этот орган как символ души, чувств, переживаний, настроений человека (символ отзывчивости, доброты, любовных чувств и т. п.), внутренний мир человека.

При психолингвистическом описании оказались неактуализированными следующие значения: 'место в левой стороне груди, где находится этот орган'; 'гнев, раздражение, злоба'; 'важнейшее место, имеющее существенное значение для чего-н., средоточие чего-н.'. Значение 'символическое изображение органа (прежде всего как знака любовных чувств) в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного' несколько трансформируется в языковом сознании и представлено обобщенными реакциями *рисунок*.

Таким образом, на основании проведенного сопоставления психолингвистического значения лексемы *сердце* в двух группах испытуемых и сопоставления психолингвистического описания с лексикографическим можно сделать следующие выводы:

1. Психолингвистическое значение анализируемой лексемы в двух группах испытуемых не совпадает: различными оказались ядерные значения, состав периферийных значений, терминологическая лексика в большем объеме представлена в качестве реакций в ассоциативном поле медиков, что свидетельствует о профессиональном освоении данной лексемы специалистами.

2. Лексикографическое значение в данном исследовании оказалось шире психолингвистического при совпадении ядра семантемы в словарных описаниях и результатах эксперимента.

Ссылки / References

1. Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. 312 с.
2. Буданова Н. А. Развитие медицинской терминологии в русском литературном языке второй половины XIX века (на материале названий болезней): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2018. 19 с.
3. Жидкова Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX–начала XXI веков: на материале прозы А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Ю. П. Германа, В. П. Аксенова, Л. Е. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 25 с.
4. Макаренко Е. Д. Когнитивно-деривационный потенциал хирургической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 22 с.
5. Маслова Н. Н. Структурно-семантический анализ и системность составных терминов кардиологии и пульмонологии: наименования болезней и патологических процессов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 24 с.
6. Смирнова Е. В. структурно-семантический и лексикографический аспекты медицинской терминологии: на примере кардиологической лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2012. 24 с.

7. Трафименкова Т. А. Терминология болезней как объект ономаσιологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 21 с.
8. Пикалова Е. В. Медицинская лексика в метафорическом использовании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 26 с.
9. Стернин И. А. К разработке психолингвистического словаря // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 57–63.
10. Овчинникова И. Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. Пермь-Любляна, 2009. Вып. 2. С. 256–280.
11. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: Истоки, 2017. 34 с.
12. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
13. Рудакова А. В. О понятии интегрированного лексикографического значения слова и методике его описания // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2015. Вып. 31. С. 109–115.
14. Рудакова А. В. Психолингвистическое и лексикографическое значения слова: что шире и объемнее? // Лингвоконцептология и психолингвистика: сб. науч. статей / Научн. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2013. Вып. 6. С. 58–72.
15. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. 797 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 30.04.2020)
16. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ООО Издательство «Мир и образование»: ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Оникс», 2012. 1376 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
18. Морковкин В. В. Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

Value and moral component of the concept «future» in Russian linguoculture

A. G. Stolyarova¹

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Valgin Str., Moscow 117485, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-196-204

Research Article
Full text in Russian

The paper deals with culture generating texts treated as speech products corresponding to dominant features of civilization in cultural history. Three types of such texts – sacral regulations, mass circulation products and virtual net messages – have radically changed the idea of authorship and corresponding attitudes of public to texts. The first text type brought to life selected priests who were regarded as keepers of sacral knowledge to be transmitted to coming generations, the second text type initiated numerous artisans who produced various one-time texts suitable for everyday purposes, the third text type generated illusionists who launch secondary texts through the world electronic network for the sake of carnival play with life. The characteristics of three types of text as indicators of culture have been described on the material of aphorisms. Autosemantic sentences of the first type are usually expressed as manifestations of general truth or common norms of behavior, the second type phrases function as trivial observations or specific recommendations in particular situations, whereas the third type texts have a paradoxical nature or are used as banter expressions uttered to fill the gaps in conversation. Sentences of the first type make the core golden reserve of human wisdom, and they are often used in situations of social inequality when people demonstrate their experience and right to give lessons to others. Sentences of the second type are very important for everyday routine life, and they appear in corresponding habitual situations. Sentences of the third type are applied mainly in interactions which require a critical reaction to any type of edification, either moral or utilitarian, their aim is to establish equality as such by means of ridicule of any kind of self-admiration.

Keywords: culture; text; discourse; genre; authorship; carnival; aphorisms

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stolyarova Alexandra G. | E-mail: aleks-stolyarova@yandex.ru
| Candidate of Sciences in Philology degree seeking applicant

For citation: Stolyarova A. G. Value and moral component of the concept «future» in Russian linguoculture // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 2. P. 196–204. (in Russ.)

Ценностно-нравственный компонент концепта «будущее» в русской лингвокультуре

А. Г. Столярова¹

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, ул. Академика Валгина, 6, Москва, 117485, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-2-196-204
УДК 811.161.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Интерес исследователей к концептам – «сгусткам» человеческой культуры – не ослабевает по сей день, о чем свидетельствует большое количество работ, посвящённых концептуальному анализу в рамках лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, сопоставительного лингвострановедения, этнолингвистики, этнопсихолингвистики и др. Несмотря на это, все еще невозможно говорить об исчерпывающем описании концептосферы той или иной (в частности, русской) лингвокультуры, что заставляет автора настоящей статьи обратиться к означенной выше теме и задаться целью описать не исследованный ранее в отечественной науке концепт «будущее». Автор обращается к предложенной О. А. Корниловым методике разделения обыденного сознания на 4 уровня (сенсорно-чувственный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный) и на материале паремического фонда русского языка анализирует ценностно-нравственный компонент концепта, выделяя в нем 15 сем, различные комбинации которых образуют несколько групп поведенческих норм. Результаты концептуального анализа проецируются на грамматику. Параллели с грамматическими значениями будущего времени в русском языке позволяют автору предположить наличие связи между грамматикой и содержанием концепта. Очерчивается сфера возможного применения результатов исследования в смежных с лингвокультурологией областях науки.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт «будущее», концептуальный анализ, ценностно-нравственный компонент концепта, граммема будущего времени, грамматическое значение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Столярова Александра Георгиевна

Email: aleks-stolyarova@yandex.ru

Соискатель ученой степени кандидата филологических наук
кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации

Для цитирования: Столярова А. Г. Ценностно-нравственный компонент концепта «будущее» в русской лингвокультуре // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 2. С. 196–204.

Введение. Концепт «будущее» как предмет лингвокультурного концептуального анализа

В лингвокультурологии время неоднократно становилось предметом концептуальных исследований. Постижению времени через язык посвящены, например, сборник «Логический анализ языка. Язык и время» под ред. Н. Д. Арутюновой [1], работы Л. Н. Михеевой [2], Т. А. Обуховой [3] и др. Время в этих работах не расчленяется на составляющие и рассматривается в единстве своих модусов – прошлого, настоящего и будущего. Однако, взятое как самостоятельный концепт, «будущее» оказывается шире и содержательно богаче, нежели просто составная часть концепта «время», поэтому мы полагаем необоснованным считать его лишь «частным» [4, с. 210], «гипонимическим» концептом по отношению к «гиперониму» «время». По нашему мнению, его содержательное поле частично накладывается на поле концепта «время», но одновременно – распространяется и за его пределы. Согласно нашим наблюдениям, на фоне неоднократно описанного концепта «время» культурный концепт «будущее» остается неразработанным и требует отдельного исследования, что обуславливает актуальность настоящей статьи, в структуре которой ставятся и решаются задачи определения методики описания будущего как лингвокультурного концепта, анализа концепта «будущее» в русской лингвокультуре, установления связи его характеристик с грамматическими значениями форм будущего времени в русском языке.

Метод анализа лингвокультурного концепта

Теоретической основой концептуального анализа стали работы В. И. Карасика и О. А. Корнилова. Так, мы согласны с мнением В. И. Карасика, что культурный концепт представляет собой трёхчастную структуру, в которую входят образный, понятийный и ценностный компоненты [5]. Однако, на наш взгляд, описанные структурные компоненты концепта с точки зрения лингвокультурного подхода нельзя считать равноценными. Руководствуясь определением культуры П. А. Сорокина, согласно которому культура являет собой совокупность значений, ценностей и норм, передаваемых из поколения в поколение [6], мы считаем доминантой лингвокультурного концептуального анализа выявление и описание ценностного компонента концепта. Ценности как таковые не поддаются описанию лишь на основании собственных ощущений и переживаний, поэтому наиболее релевантным при научном исследовании оказывается их определение через оценки и поведенческие нормы, зафиксированные в коннотативных значениях и внутренней форме слов, фразеологизмах, пословицах и поговорках, культурных текстах и др. В связи с этим представляется продуктивным алгоритм анализа концепта, соответствующий описанной О. А. Корниловым [7] структуре обыденного сознания и включающий в себя анализ сенсорно-рецептивного, логико-понятийного, эмоционально-оценочного и ценностно-нравственного компонентов концепта. Разделение ценностного компонента на эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный не является случайным. Оценки, формируемые в эмоционально-оценочном компоненте сознания (оценки 1 уровня), – это простейшие оценки, которые «непосредственно фиксируют именно эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначае-

мому» [Там же. С. 231] и реализуются в бинарной оппозиции «положительное отношение – отрицательное отношение». Ценностно-нравственный компонент сознания порождает более сложные оценки (оценки 2 уровня), которые применяются «по отношению к наиболее типичным социально значимым ситуациям, моделям поведения в таких ситуациях, по отношению к жизненно важным для любого социума категориям» [Там же. С. 232]. Эти оценки, которые обычно находят выражение в виде пословиц и поговорок, обобщают коллективный жизненный опыт, имеют сложную логическую структуру, указывают на связи между явлениями, причинно-следственные связи, предписанный порядок действий в определенных ситуациях, ценностную иерархию общества, обобщают поведенческие нормы языкового коллектива. Именно выявление и анализ оценок 2 уровня в русском культурном концепте «будущее» является целью настоящего исследования. В основу данной процедуры мы кладем принцип семной организации концепта.

Ценностно-нравственный компонент концепта «будущее». Анализ паремий о будущем

С помощью паремиологического словаря В. И. Зимины [8] и свободного поиска в сети Интернет мы выделили пословицы и поговорки, реализующие те или иные семантические компоненты концепта «будущее».

Самую большую группу паремий организует вокруг себя сема 1 'то, то неизвестно, неопределенно'. Пословицы и поговорки с данной семой, как правило, содержат также сему 2 'события, ситуации' и в самом общем смысле выражают идею, что о действиях и событиях будущего нельзя знать наверняка: *(Наперёд) не угадаешь, где найдёшь, где потеряешь; (Наперёд) не угадаешь, кому по ком плакать; (Наперёд) не угадаешь, где упадёшь, где встанешь; Это ещё по воде вилами писано; Знать бы, где пасть, так соломки бы подостлать; К весне – куда хлестнёт; Утро вечера мудренее; Будет день – будет и пища; Цыплят по осени считают; Не ровён час, всякое может случиться*. Неопределённость будущего подчёркивается с помощью указания на изменения, которые неизбежно несёт с собой время (сема 3 'время'): чем больше времени отделяет настоящий момент от подразумеваемого момента в будущем, тем менее определёнными являются будущие события (*Ещё до той поры много воды утечёт*).

Будущее станет известным, когда человек сможет наблюдать его лично (сема 4 'то, что можно увидеть'), т. е. когда будущее станет настоящим, и этого момента надо лишь дожидаться (сема 5 'то, чего ждут, и то, что ожидает'): *Поживём – увидим; Поживёшь подольше – увидишь побольше; Поживёшь с наше – ещё не то увидишь* (сема 6 'жизнь'); *Что было, видели деды, что будет, увидят внуки; Там видно будет; Война план покажет; Слепой сказал: «Посмотрим!»*.

События будущего неизвестны еще и потому, что зависят не только от действий человека, но и от воли высших сил. Сочетание «сема 1 + сема 2 + сема 7 'то, что зависит от воли высших сил'» указывает на связь концепта «будущее» с одной из ключевых идей русской лингвокультуры – идеей **непредсказуемости мира** [9], которая представляет собой установку на принципиальную невозможность не только предугадать события, но и повлиять на них. Сознанием русского человека владеет мысль, что миром управляют неподвластные ему силы, делающие жизнь и будущее

неподконтрольными его усилиям. Будущее приходит как объективный факт (*Вчера не догонишь, а от завтра не уйдёшь; Жили люди до нас, будут жить и после нас*) и создаётся тем, что сильнее нас, следовательно, нам остаётся только принять его: *Человек предполагает, а Бог располагает* (сема 7(+)¹); *Бог даст – сделаем* (сема 7(+)); *Так не будет, а уж как-нибудь, да будет* (сема 7(+)); *Дай Бог справиться, и нам будут кланяться* (сема 7(+)); *Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах* (сема 7(0)). В целом данная паремическая группа предписывает отказ от попыток предполагать и прогнозировать будущее и даже вводит прямой запрет на высказывание категоричных суждений о нем: *Когда говорят о будущем, на чердаке мыши смеются; О будущем говорить – чертей смешить; Загад не бывает (не живёт) богат; На будущее не зарекайся; Наперёд не загадывай; Не загадывай в год, а загадывай в рот; Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.*

Не следует раньше времени говорить об успехе (сема 8 'ожидаемый успех, удача'), так как он не гарантирован: *Не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь; Хвали день по вечеру; Вечер покажет, каков был день; Хвали утро вечером; Хвали день по вечеру, а жизнь – по смерти; Хвались урожаем, когда зерно в закрома ссыпешь; Не верь гречихе в цвету, а верь в закрому; Не хвались, в поле едучи, хвались, с поля везучи; Не поймал, да оципал; Не дели шкуру неубитого медведя* и др. Кроме того, такие паремии, как *Утро вечера мудренее; Будет день – будет и пища; Цыплят по осени считают; Поживём – увидим; Там видно будет; Война план покажет; Рыба в реке – не в руке* и т. п., призывают не действовать слепо по заранее намеченному плану, а уметь ориентироваться в изменяющихся обстоятельствах.

Неизвестность как ключевая характеристика плана будущего тесно связана с пониманием того, что будущее представляет собой спектр возможных вариантов развития событий (сема 9): *Бабка ворожила, да надвое положила; Бабка надвое сказала: то ли дождик, то ли снег; То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет; Ни от сумы, ни от тюрьмы не отрекайся; На всякий час не обережешься; Может случиться, что и богатый к бедному постучится.* Возможные события и состояния (сема 2, сема 10 'состояние, положение') могут осмысляться как нежелательные, опасные (сема 11 'то, что подвергается оценке, осмыслению, эмоциональному переживанию'(-)). В этом случае пословицы призывают предугадывать, предусматривать наихудший вариант будущего и по возможности готовиться к нему: *Не избывай постылого, приберёт Бог милого; Живи надвое: и до веку, и до вечеру; Ешь на день, хлеба бери на неделю; Бережёного (и) Бог бережёт; Искру туши до пожара, беду отводи до удара; В дождь крышу не кроют, а в ведро сама не течёт (с иронией); Не суйся в воду, не изведав броду; Береги денежку про чёрный день; Берегись бед, пока их нет; Жить надейся, а умирать готовься* и др.

Легкомысленное поведение, нежелание предусматривать риски, надежда на авось, на высшие силы, на то, что все устроится само собой (сема 7(-)), наоборот, оцениваются отрицательно: *Авось – дурак, с головой выдаст; Авось да как-нибудь до добра не доведут; Авось и рыбака толкает под бока; Авоська верёвку вьет, небоська петлю закидывает; Авоськал, авоськал, да и доавоськался; Русский человек на трёх сваях стоит: авось, небось да как-нибудь; Бог-то Бог, да сам не будь плох; На Бога надейся, да сам не плошай; На авось полагаться – без головы остаться* и др.

¹ Здесь и далее: (+) – положительная оценка; (0) – отсутствие оценки; (-) – отрицательная оценка.

В некоторых случаях способность идти на риск (возможность, оцениваемая отрицательно: сема 9 + сема 11(-)) может получать положительную оценку – как смелость и умение без долгих обдумываний предпринимать решительные действия в условиях неизвестности, когда одинаково возможны как благоприятный, так и наихудший варианты развития событий: *Риск – благородное дело; Смелость города берёт; Или пан, или пропал; Или полковник, или покойник; Или с крестом, или под крестом; Или грудь в крестах, или голова в кустах; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Либо мёд пить, либо битую быть; Либо сена клоч, либо вилы в бок; Пропадай моя телега, все четыре колеса! Двум смертям не бывать, а одной не миновать* и др.

Несмотря на то, что будущее неизвестно (сема 1), русские паремии предписывают ожидать (сема 5) наступления позитивных событий и состояний (сема 11(+)) + сема 2 + сема 10), что находит эмоциональное выражение в виде надежды на лучшее: *Век живи, век надейся; Будет и на нашей улице праздник; Что бы ни случилось, всё к лучшему; Слеза печали сменяется слезою радости; И крута гора, да забывчива, и лиха беда, да избычива; И темна ночь, да не век ей быть; Заковал мороз реки, да не навеки; Не всё ненастье, выглянет и солнышко; После ненастья приходит и счастье; После ненастья ведро бывает; После дождичка будет и солнышко; Взойдёт солнце и перед нашими воротами; Заглянет солнце и в наше оконце; Без надежды, что без одежды, и в тёплую погоду холодно; Лучше без одежды, чем без надежды* и мн. др.

В паремиях находит выражение и сема 12 'судьба, участь': *От судьбы не уйдёшь; Суженого на коне не объедешь; Что было, то прошло, что будет, придёт; Чему быть, того не миновать; Будь, что будет*. Такие пословицы и поговорки утверждают, что будущее предопределено, и предписывают человеку принимать его. Встречаются паремии, в которых под судьбой, участью (то, что определено точно) понимается смерть (сема 13): *От своей смерти не уйдёшь; Прежде смерти не умрёшь; До веку не умрёшь; Живым в могилу не ляжешь; Кому повешену быть, тот не утонет; Человек родится для того, чтобы умереть*.

Необходимо отметить, что русский паремический фонд располагает достаточно большим количеством пословиц и поговорок о смерти: *Все люди смертны; Два века не проживёшь; Два века еще никто не жил на земле; Сколько ни живи, а умирать придётся; Сколько ни жить, а умирать не миновать; И то будет, что нас не будет; Придёт час, не будет и нас; Два раза не умирать, а однова не миновать; Сегодня умирать страшно, а когда-нибудь – ничего; Откуда пришли, туда и уйдём; Пришли из земли, в землю и ляжем; Все там будем: один раньше, другой позже; Смерть нашего брата не спросит, а придёт и скосит; Умереть да родить нельзя погодить* и мн. др. Данные паремии утверждают, что смерть – это единственное событие будущего, которое известно наверняка и которого нельзя избежать. Прескрипция, заключенная в этой группе паремий, обязывает человека принимать смерть как нежелательную, но неизбежную реалию жизни.

Сема 13 'смерть' может конкретизироваться в паремиях в виде идеи, что всё имеет свой конец: *Всё имеет свой конец; Сколько цветку ни цвести, а быть опадать; Сколько кувшину по воду ни ходить, а голову сломить; Ничто не вечно под луной; Нет радости вечной, нет печали бесконечной; Весна да лето, пройдёт и не это; Как верёвочка ни вейся, а концу быть; Не на век и святая неделя; До поры, до времени*. Как и в паремиях о смерти, паремии о конце чего-либо призывают смириться с таким ходом вещей. Их позитивная программа утверждает, что будущее способно

сглаживать углы прошлого, трудности преходящи и, что бы ни случилось, в будущем это не будет иметь значения (сема 11(+)): *Перемелется – все мука будет; Перекуётся – сварится; Обомнётся, оботрётся – все по-старому пойдёт*. В сочетании с семой 6 'жизнь' сема 13(-) осмысливается как конец молодости, благоприятного периода жизни. Негативную оценку получает факт безвозвратно уходящего времени, забирающего у человека красоту и силу: *Года, как вода, пройдут – не увидишь; Молодость пройдёт, как цветок отцветёт*. Данная оценка трансформируется в прескрипцию, указывающую на необходимость жить сегодняшним днём, используя возможности настоящего момента: *Живут один раз – не потом, а сейчас*.

Сема 14(-) 'время, которое никогда не наступит, неопределённо далёкое будущее' реализуется в таких поговорках, как *Сей день не без завтра (Сдни не без заутрия); У завтра нет конца; Дней много, а все впереди; Впереди у Бога дней много; Дождёшься – на морковкино заговенье; Когда рак на горе свистнет; Дождёшься, когда солнце глиной залепят; Дождёшься после дождичка в четверг; Дождёшься на будущую осень лет через восемь*. С помощью данной семы формируются поведенческие нормы, которые предписывают не полагаться на завтрашний день, жить в настоящем (*Одно «нынче» лучше двух «завтра»*), предпочитать доступное малое обещанному или возможному, но не гарантированному большому (*Не сули журавля в небе, а дай хоть синицу, да в руки; Не сули бычка, дай чашку молочка; Не сули собаке пирога, а дай кусок хлеба; Синица в руке лучше журавля в небе*), не откладывать выполнение своих обязательств на неопределённый срок (*Соловья башнями не кормят; Завтраками не кормят; Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; Отклад не живёт богат*).

Необходимо также отметить, что в русской лингвокультуре, по-видимому, не получили распространения пословицы, реализующие сему 15 'то, что можно готовить, создавать' и идею, что будущее является прямым следствием наших поступков в настоящем. Прескрипция, в основе которой лежит сема 15, указывает на необходимость принятия ответственности за будущее путем осознания его зависимости от настоящего по принципу «причина – следствие». Она обнаружена нами в трёх поговорках, две из которых имеют библейское происхождение: *Что посеешь, то и пожнёшь; Посеешь ветер, пожнёшь бурю; Как потопаеть, так и полопаеть*. На наш взгляд, такое малое количество пословиц свидетельствует о том, что в русской лингвокультуре причинно-следственная связь между настоящим и будущим не входит в число ценностных характеристик концепта «будущее». Действительно, сема 15 не встречается ни в одной из описанных выше смысловых паремических групп, поэтому будущее предстает существующим отдельно от настоящего, утрачивает связь с ним, перестает быть его следствием, по замечанию В. А. Масловой, «помещается где-то в неопределённом futurum» и «не соприкасается с настоящим» [10].

Подводя итоги анализу ценностно-нравственного компонента концепта «будущее», отметим, что основу поведенческих норм, формируемых связками сем, составляют две семы: сема 1 'то, что неизвестно, неопределённо' и сема 13 'смерть, конец чего-либо', причём ключевой, организующей вокруг себя основную массу прескрипций семой оказывается сема 1. Представления о том, что будущее неподконтрольно человеку, имеет в своей основе две идеи: зависимость мира и событий от воли выс-

ших сил (сема 7) и предопределённость будущих событий (сема 12, сема 13). Действительно, как было замечено выше, исконно русские поговорки не реализуют идею зависимости будущего от действий человека в настоящем и возможности формировать его лишь собственными усилиями (сема 15). Основная характеристика русского будущего – неизвестность, которая со временем проявит себя, т. е. станет видимым настоящим. Иными словами, русское будущее – это объективная реальность, которая ещё «не случилась».

Обсуждение

На наш взгляд, в результатах настоящего исследования можно проследить связь культурного концепта «будущее» с грамматическими значениями будущего времени в русском языке. Специфика будущего, связанная с его принципиальной ирреальностью, находит отражение в том, что в граммеме будущего времени, как правило, сочетаются грамматические значения темпоральности и субъективной модальности, однако в русском языке такое совмещение оказывается невозможным в силу видо-временной системы, в которой темпоральные показатели выступают также и в роли маркеров изъявительного наклонения, поэтому граммема будущего времени в русском языке в качестве обязательных передаёт значения вида и объективной модальности реальности, а значения субъективной модальности выражаются лексически и остаются опциональными. Согласно нашему предположению, необязательность категории субъективной модальности позволяет русскому сознанию избегать мыслить будущие события с точки зрения оценки их вероятности и отношения к ним субъекта, что косвенно подтверждается выявленными нами на основе концептуального анализа поведенческими нормами, отражающими эту сильную объективированность (независимость от субъекта) будущего.

С другой стороны, как показала С. Н. Глазкова [11], связь времени с грамматической модальностью, которая в русском языке почти не выражается с помощью личных форм глаголов, также оказывается условной. Анализируя этот вывод, А. А. Мёдова, в свою очередь, замечает, что время в русских модальных грамматических контекстах «либо не различается, либо имеет характер неконтролируемый, неопределённый, оно проходит само собой, без участия человека». По её мнению, «русский язык, по крайней мере, в области грамматической модальности, передаёт вовлечённость человека во время и одновременно безучастность к нему» [12, с. 143]. Эта мысль также соответствует сделанным нами выводам об объективированности будущего, сознательном отказе человека от воздействия на него и установке на принятие того, что случается помимо нашей воли, как ценностных доминант концепта «будущее» в русской лингвокультуре.

Отметим, что результаты, полученные в ходе лингвокультурного концептуального анализа, могут найти применение и в смежных областях науки: когнитивной лингвистике, этнолингвистике, этнопсихолингвистике, культурологии и др. Особое значение, на наш взгляд, они будут иметь для сопоставительного лингвострановедения, занимающегося изучением феномена сознания в аспекте обучения русскому языку как иностранному [13]. Это обусловлено тем, что, по замечанию А. С. Мамонтова, «первоочередной задачей [сопоставительного лингвострановедения] является

выделение принципов отбора и минимизации коммуникативно-значимого материала с позиции учёта родной культуры адресата, поскольку содержание обучения в аспекте формирования соответствующей компетенции будет различаться в зависимости от того, к какой именно культуре принадлежит тот или иной обучающийся» [14, с. 156].

Ссылки / References

1. Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. 352 с.
2. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 252 с.
3. Обухова Т. А. Вербализация концепта «время» во французском и русском языках: лингвокультурный аспект : на материале лексических единиц и свободных словосочетаний : дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 175 с.
4. Лазуткина Е. М. Оценки будущего в предложении и тексте // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Н. Д. Арутюнова (ред.). М., 2011. С. 210–219.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
6. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. М., 1992.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
8. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 736 с.
9. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
10. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. URL: <https://bookshake.net/r/vvedenie-v-kognitivnuyu-lingvistiku-valentina-avraamovna-maslova> (дата обращения: 04.10.2019).
11. Глазкова С. Н. Модальная языковая картина мира русских // Россия и Запад: диалог культур. 2013. № 2. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/273---q---q.html> (дата обращения: 15.03.2020).
12. Мёдова А. А. Сознание в модусе времени. М.: NOTA BENE, 2014. 220 с.
13. Мамонтов А. С., Богуславская В. В., Гусман Т. Р. Феномен сознания в аспекте теории и практики обучения иностранному языку как средству межкультурной коммуникации // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах. Сборник статей Международной научно-практической конференции молодых учёных. Москва, РУДН, 23–24 сентября 2019 г. М., 2019. С. 51–75.
14. Мамонтов А. С. Сопоставительное лингвострановедение и обучение иностранным языкам // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания : сб. научных трудов. М., 2006. С. 155–163.